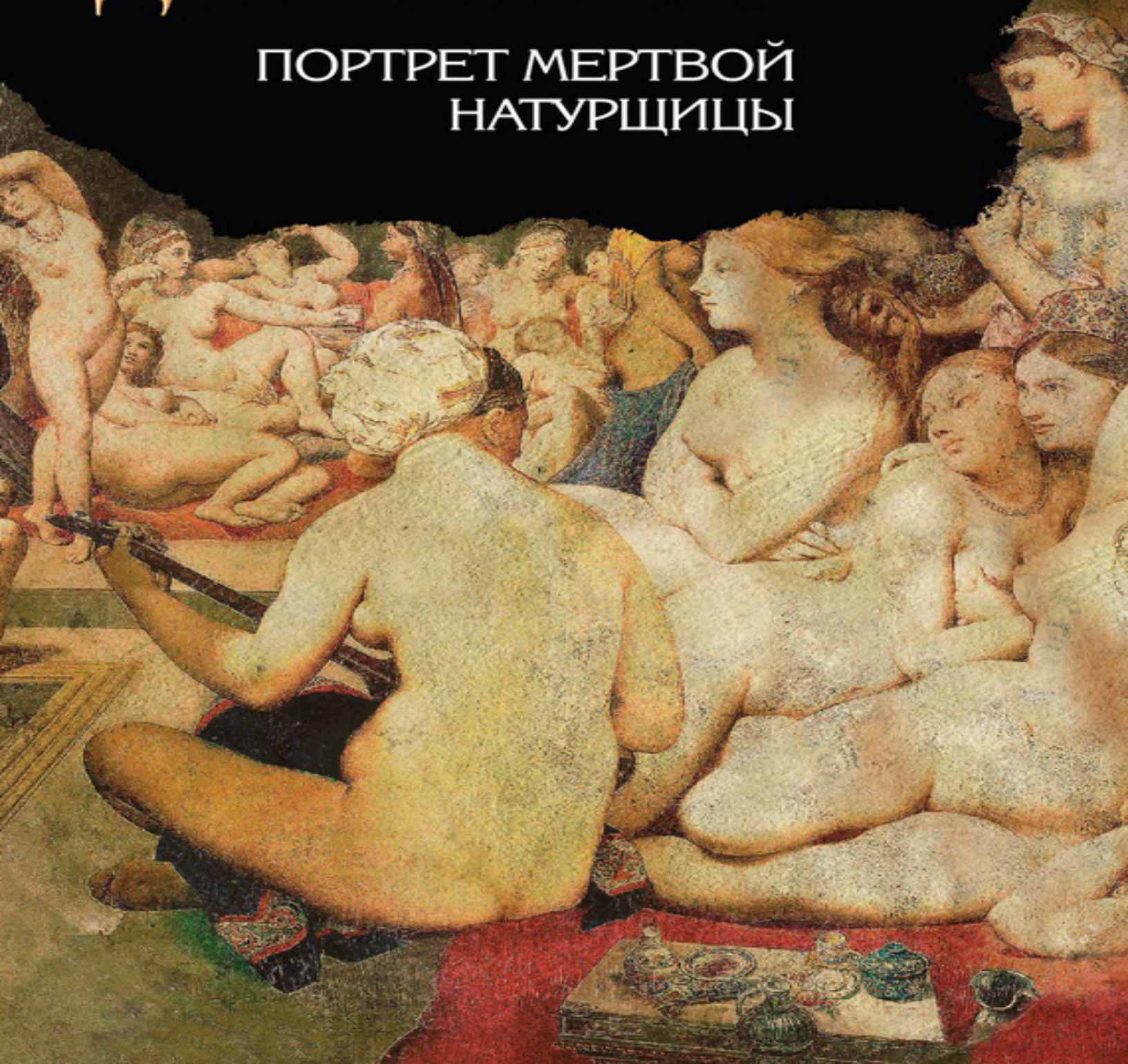

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ДАРЬЯ ДЕЗОМБРЕ

ПОРТРЕТ МЕРТВОЙ
НАТУРЩИЦЫ

**Дарья Дезомбре
Портрет мертвой натурщицы**

Моей бабушке, Лазаревой Марии Викторовне

Краски смешиваются, превращаются в вино, и оно пенится на моих холстах.

Марк Шагал «Моя жизнь»

Я совершенно нормален. А ненормален тот, кто не понимает моей живописи, тот, кто не любит Веласкеса, тот, кому неинтересно, который час на моих растекшихся циферблатах – они ведь показывают точное время.

Сальвадор Дали

© Дезомбре Д., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Он

– Девушка, вы знаете, что у вас нежнейший профиль?

– Чё? – Девица повернулась анфас, и он вздохнул. Хорош был только профиль. И то скорее игривый Фрагонар, чем то, что ему требовалось сейчас для работы. Хотя...

– Очень чистая линия, – сказал он, глядя в простодушные глаза, обведенные перламутровой голубой подводкой. – Нежная кожа – зря вы пользуетесь румянами, в вашем возрасте это лишнее.

Девица от удивления разлепила липкий от клубничного блеска ротик бантиком. Он усмехнулся. Нормальная речь кажется этим детям предместий чем-то вроде марсианского языка. Он чуть отклонился на поручне троллейбуса, чтобы лучше рассмотреть ее всю: от коротковатых ножек и низко посаженной попки до плосковатого бюста, втиснутого в дешевое подобие Вандербры. Кого она хочет обмануть?

– Вы пристаёте ко мне, да? – спросила девица высокомерно, но в голосе читалась надежда. Мужчина выглядел весьма импозантно. «Ухоженный», – подумала она, скосив глаза на сдержанного цвета галстук и ворот явно приличного костюма, виднеющийся из-под плаща.

– Нет, – улыбнулся мужчина. – Я художник, если хотите, чистой воды эстет. Мне понравился ваш профиль. – Он перевел взгляд на ее руки. Девушка с явной гордостью пошевелила акриловыми ногтями. Он внутренне содрогнулся: эти нарощенные ногти с мелким рисунком в виде цветочков на каждом казались ему верхом вульгарности и антисанитарии. Но сами ручки были неплохи – если скосырнуть с них это уродство. Достаточно пропорциональны, в милых ямочках. Вполне в его стилистике.

– Вы бы хотели, чтобы я вас нарисовал? – спросил он, уже зная ответ.

– Бесплатно? – Она слизнула с губ клубничный жирноватый глянец.

– Именно.

– А раздеваться придется?

Он усмехнулся – какое деловитое создание. Впрочем, чего ожидать при такой жизни?

– А ты бы хотела? – ответил он вопросом на вопрос. Ему было наплевать на ее желанья. Но стало любопытно.

Девушка огляделась по сторонам, чтобы быть уверенной, что остальные пассажиры не слышат их беседу: народу в этот послеобеденный час было маловато. И, легонько порозовев, кивнула:

– Ну, если надо, то чего? Я могу.

– А что скажут родители?

– А, – махнула она рукой, – родители во Владимире. Я тут сама квартиру снимаю. – Она гордо повела плечом. – В Южном Тушине. Правда, без линолеума и без душа. Но это ничего – вода-то горячая есть, верно?

– Верно, – кивнул он. У него в квартире было три ванные комнаты: одна для гостей (редких, но на всякий случай – он унаследовал от отца известную брезгливость), потом – душевая в пять метров и еще одна – с панорамным окном и большой ванной – никаких булькающих джакузи, – элементарной, как разрезанное вдоль крутое яйцо.

– Я тут работу нашла приличную, – не могла остановиться девушка, а он отодвигался то влево, то вправо, чтобы понять – похожа ли? – Продавцом в бутике. С процентами. – Она улыбнулась чуть смущенно, и вдруг стало понятно, сходство, несомненно, есть. – Ну, и родители, конечно, помогают.

– Молодец, – сказал он невпопад, вынул из кармана мобильник. Бросил взгляд вниз, на ее ноги. Вот черт! Дешевые, изъеденные солью сапоги были прямо-таки гренадерской стати. Что за издевка природы! Какой у нее там размер? Сороковой?

– Это мамыны, – прошептала девица, залившись краской. – У нас-то в районе зачем приличной обувью грязь месить? А я с собой на работу туфли ношу. – И она с готовностью приоткрыла вместительную сумку из кожзама.

Он облегченно выдохнул:

– Говори телефон.

Девушка продиктовала номер и даже заглянула к нему на экран мобильного, чтобы убедиться, что он все записал правильно.

– Я позвоню, – сказал он на прощание.

– Давай! – Она проводила его взглядом и крикнула, когда он уже сходил с последней ступеньки: – Не забудь только!

Андрей

Он стоял перед ее кроватью и смотрел, как Маша дышит во сне: легко, почти незаметно. Руки с коротко подстриженными ногтями, спрятаны под подушку. Тонкие голубоватые веки чуть подрагивают: что ей снится? Темный подвал в Подмосковье? Сгоревший в костре друг детства? Андрей с силой потер лицо, взъерошил волосы на затылке: и как ему с ней быть? Как вывести из того тупика, куда она сама себя загнала? Бедная умная девочка. Слишком умная девочка.

Маша находилась в больнице с тех пор, как они поймали маньяка. Машиного маньяка. Маша искала его с двенадцати лет, всю жизнь и все полученные знания сосредоточив в этом поиске. Сначала она искала убийцу своего отца. А потом – убийцу самых близких друзей и отчима. И только под конец поняла, что эти двое убийц на самом деле – один и тот же человек. Родной человек: родной и для Маши, и для ее матери^[1]. И вот уже прошли три недели, а Андрей не видел улучшений. И это его не на шутку пугало. Может такое быть, что в Маше что-то перегорело, сломалось? И сломалось навсегда?

Андрей сглотнул и поправил одеяло – с ним все было в порядке, но хотелось сделать хоть что-нибудь плюс к тем дурацким фруктам на столе, которые она не ела, книжкам, которые не читала, фильмам (только комедии!), которые не смотрела.

– С ней все будет хорошо. – В дверях стояла подруга Натальи, Машиной матери, державшая в своей клинике обеих. В семье их и осталось-то теперь только двое. – Скоро отпустим домой.

– Дома и стены лечат, – болезненно улыбнулся Андрей.

– Не уверена, – задумалась на минуту подруга, не улыбнувшись в ответ. – Но попробовать стоит. Конечно, я посажу их на терапию. Наталья должна возвратиться к работе – это ее и в первый раз, с Федором, спасло.

– А Маша? – спросил Андрей, задержав дыхание.

– Маша побудет дома, займется хозяйством, будет готовить матери ужин. Вам, если повезет, – завтрак. – Она лукаво улыбнулась. – Все будет хорошо, Андрюша, – повторила она опять, будто его гипнотизировала.

Андрей кивнул, мотнув головой, как больная лошадь. Жалко усмехнулся. Пошел по коридору и почувствовал, что она смотрит ему вслед.

«Маша не умеет готовить, – сказал он про себя. – Терпеть не может этого». Маша, он был уверен, боится возвращаться домой, где хозяйничал маньяк. Их страшноватый Ухти-Тухти.

– Он мертв, – уже в сотый раз, будто уговаривая себя, произнес вслух Андрей.

Лучший Ухти-Тухти – мертвый Ухти-Тухти.

Маша

Она слышала из прихожей тихий свист. Точнее, змеиное шипенье. Это мама разговаривала с Андреем. Хотя беседой шипенье назвать сложно: это был монолог.

– Не трогайте мою дочь, – шипела истерично мать. – Вы что, не видите, до чего ее довели?! Вы были ее непосредственным руководителем, несли ответственность! А у вас только шашни одни на уме (слово шашни прозвучало как «шшшшшшш!»)! Задурили ей голову, вместо того чтобы преступника ловить! Больше никогда – слышите, никогда! – не появляйтесь на пороге этого дома!

«Мама, – хотела сказать Маша, – не плачь!» Та всегда начинала объясняться выпендренно, когда боялась расплакаться. Бедная мама любила и того, кого убили, и убийцу. И ничего не могла с собой поделывать: ей нужен был некий козел отпущения.

– Я запрещаю вам общаться с Машей! У вас с ней все равно нет ничего общего, кроме этих ваших маньяков! А я не хочу, не желаю, чтобы она снова с ними связывалась!

Маша медленно провела пальцем по узору на стене. Услышала, как стукнула о пол сумка, привезенная Андреем из больницы: утром он забирал все из тумбочек в палате и под ненавидящим взглядом матери раскладывал лекарства по кармашкам...

По дороге домой она молчала, но воздух в машине был настолько наполнен ее враждебностью, что его можно было резать на куски и продавать исламским террористам с надписью «взрывоопасно».

Так же без слов они поднялись в квартиру, Маша скинула на руки Андрею плащ, сбросила туфли и сразу прошла в комнату, чтобы лечь, уткнувшись взглядом в туркменский ковер. Багровые тона, геометрический рисунок из пламенеющего красного, черного и голубого.

– До свидания, – тихо сказал Андрей.

– Прощайте, – отрубилась мать.

Тихо капала вода из крана в ванной: кап-кап-кап. Билась в кухне о стекло осенняя жирная муха. Мать сняла туфли, прошла на кухню, шаркая ногами. «Совсем не ее походка!» – успела подумать Маша и тут же отбросила мысль, болью отозвавшуюся в сердце. Снова обострила слух: вот чирикает на улице неизвестная птица, в арку въехала машина...

Маша вообще в последнее время стала отлично слышать. Отлично – но избирательно. Только вот такие орнаментальные звуки, не приводящие к мыслям, как музыка без мелодии.

Она – девочка, с детства задевшая на интеллекте, впервые в жизни боялась думать. Любая мысль через цепочку на счет раз-два приводила к черному выжженному кругу в сердце, прямо по центру. Любой предмет мог быть связан с воспоминанием. Любой отрывок песни. Картинка в журнале. Фотография. Чтобы не вспоминать, она предпочитала слышать только простейшие звуки, как те капли или жужжание мухи. Или замечать простейшие цвета: вроде этого красного и голубого на ковре. Ни в коем случае не смешивать! Вот, к примеру – багровый... Багровый был опасен, он таил ассоциации. Но хуже всего – была фотография погибшего отца, висевшая напротив. Глаза на портрете, смотревшие, Маша знала, прямо на нее.

– Не сейчас, папа, – прошептала она, сомкнув веки. – Подожди.

Он

Шум моря. Вот что он помнил из своего детства. Не тот, который сопровождает купание с ватагой сверстников где-нибудь в Крыму, или звучит, когда дрожащими от холода пальцами (Прикройся от ветра! Ну сколько можно тебя звать из воды? Заболеть хочешь?!) прямо на пляже чистишь яйцо вкрутую, или откусываешь – сладострастно – от южной роскошной помидорины, высасывая сок и жмуря глаза от счастья и от солнца.

Нет, неумолимая, как «Болеро» Равеля, ЭТА волна набухла где-то в глубине мозга, росла, заслоняя собой все остальные звуки, и разбивалась с грохотом, там, где белел чистый крутой детский лоб. А мысль, соприкоснувшись с реальным миром, пряталась за этот мощный древний рокот.

В реальном же мире мачеха трясла перед ним своим платьем: натуральный крепдешин, белое в золотых цветах, широкая юбка, узкий корсаж.

– Ах ты, дрянь! Леня, ты только посмотри, что наделал твой сын! Все мои платья...

Такие никогда не выходят из моды – так сказала однажды ее портниха, он подслушивал за дверью. Мачеха стояла на стуле, а портниха на коленях подкалывала булавками подол. Как раз-таки это, вечномодное, платье он разрезал на длинные красивые ленты. Если повесить его на балконе и подождать ветра, может получиться совершенно прекрасная картина: золото на голубом.

Еще он разрезал красное, короткое. И серое. И зеленое. Зеленое она особенно любила: идеально подходило к ее глазам. А выкройка скопирована из какого-то французского журнала, его отец привез из заграницы, куда ездил на очередную конференцию. У мачехи была нестандартная фигура – так она ее называла.

А домработница, дородная Тома, однажды фыркнула:

– Ни жопы, ни сисек, на что только академик запал?

– Ни жопы, ни сисек, – повторял он. Фраза была для него абстрактной, но от нее веяло такой неприязнью, что он мгновенно проникся симпатией к Томе и твердил это, как мантру, еще месяц.

На самом же деле Томка просто завидовала. У молодой жены академика было много чего, на что мог запасть мужчина: тяжелые волосы цвета старого золота и широко распахнутые в восторженном удивлении (а уж восторг ей в последнее время муж обеспечивал с лихвой) серо-зеленые глаза. Когда мачеха смеялась, она обнажала белые ровные зубы и бралась тонкой кистью с бледно-розовым маникюром за горло, будто пытаюсь задержать смех там, где он рождался – в самой глубине. А когда слушала собеседника, преимущественно мужского полу, рука ее прижималась к нежной коже на декольте, и это нежное на нежном было очень красиво. Но мальчик не завидовал, как Томка. Он просто ненавидел. Сильно и без рефлексий. Как могут только дети.

А мачеха продолжала говорить... Но звук, визгливый, некрасивый, от которого перекашивалось тонкое лицо, пропал, заслоненный волной, ее силой, рокотом и громовым раскатом: тонны воды разбивались о пустынный берег его одинокого детства. Мачеха отшатнулась: ему показалось, что до нее долетели соленые брызги. И тут рядом появился отец: седой, в шелковом халате с кистями. И покосился – не на сына, а чуть мимо. Проследив за его взглядом, мальчик увидел длинные ножницы, выставленные вперед. Он снова поднял глаза на отца: тот смотрел на него со смущенным раздражением. И вот этого-то взгляда, в котором не было ни нежности, ни сострадания, ребенок не выдержал: он забился еще глубже в угол и расплакался.

Потому что он отца – любил. Сильно и без рефлексий. Как могут только дети.

Андрей

Дешевые новостройки – мечта иммигранта. Однокомнатная квартирка: обшарпанная и безликая. Мебель явно только что из «Икеи», убогие попытки навести уют с помощью настенных календарей с котятами. Андрей открыл шкафы на кухне: какие-то консервы, одна тарелка, пара вилок и ложек, одна кастрюля. Судя по пригоревшему днищу, ее использовали и в качестве сковородки. Даже его весьма холостяцкий быт был более налажен. На столе на видном месте лежала красочная и явно дорогая книга: «Золотые кулинарные рецепты», французский Прованс. Книгу явно не раз листали: Андрей открыл ее на середине. «Буйабес, – прочел он диковинное название под яркой фотографией, вызвавшей у капитана полиции мгновенный прилив слюны. – Тимьян вымыть, обсушить и разобрать на листики... В бульон положить лапу-лапу^[2], тунца, барракуду, филе ската, семгу...» – Андрей сглотнул, дочитал рецепт до конца и узнал, что: «Непременными спутниками буйабеса являются крутоны с соусом Руй». Он еще раз оглядел убогую кухню и почувствовал острый укол жалости к несчастной девочке, весь досуг которой сводился к чтению экзотических рецептов за поеданием яичницы прямо с кастрюльного днища. Андрей захлопнул книгу и вернулся в комнату.

Девушка лежала на полу, ровненько, будто очень старалась и после смерти выглядеть аккуратно. Им повезло: приехали бы они парой недель позже уже «на запах», аккуратненьким бы уже ничего не показалось, как убитая ни лежала бы. Тело нашла подружка покойной, у нее были ключи, и после того как Таня пропала, подружка позволяла себе иногда водить в «ничейную» квартиру кавалеров. И сегодня в обеденный перерыв она пришла с «поклонником», как она выразилась, размазывая по круглому добродушному лицу дешевую тушь.

– Да кто же ее так, а? За что? – плакала подружка в прихожей. – Она ж добрейшая была – даже бездомных кошек на улице подбирала, в питомник устраивала...

Андрей кинул взгляд на поклонника – пухлого парнишку с ямочками на щеках, находящегося, похоже, в полной прострации. И с трудом удержался от мужского сочувственного кивка: вряд ли у парня будет в ближайшее время настроение заняться спонтанным сексом с – Андрей проверил по документам – Людой Киселевой, кассиршей супермаркета «Копейка».

– Можно уже? – нетерпеливо топтался на месте молоденький, незнакомый эксперт, но Андрей отрицательно покачал головой и еще раз присел на корточки над трупом.

Белым, особенно на фоне темного покрывала. Крупная девушка, на первый взгляд на теле почти никаких повреждений. Несколько старых порезов на ногах – но Андрей был почти на сто процентов уверен в их происхождении: у самого имелись такие на морде. Тупая бритва, быстрая попытка навести красоту. Незначительный синяк на щиколотке. И, главное – на шее ровная синяя линия. Странгуляционная асфиксия, и к Павлу-патологоанатому не ходи.

– Какой-нибудь крепкий шнурок, – подтвердил его мысль эксперт. – Знаешь, как в Турции – «милость султана».

– Что? – поднял на него непонимающий взгляд Андрей.

– Э... – застеснялся эксперт. – Ну, это казнь, которая применялась к лицам благородного происхождения. Султан присылал провинившемуся шелковый шнурок, которым впоследствии его и душили.

– Да вы, батенька, романтик, – холодно сказал Андрей.

– Семин, Александр, – представился эксперт.

– Яковлев, Андрей. – Они пожали друг другу руки в латексных перчатках.

– Но дело-то странное! – чуть смущенно оправдывался Семин. – И рисунки еще эти! М-да, рисунки.

Андрей перевел мрачный взгляд на руки, сложенные на груди: одна из них придерживала страницу плотной бумаги с неровными краями. Такие бывают, если листок сложить и потом не разрезать, а разорвать по месту сгиба. Или разрезать, но только, например, костяным ножом для писем.

На рисунке, вольготно закинув обе руки за голову, сидела, чуть изогнувшись, обнаженная девушка. Но имелась и еще одна рука... И эта, третья уже рука, безвольно лежала у нее на коленях, ладонью вверх. «Прям многорукий Шива», – подумал Андрей. Листок, как и в прошлые разы, весь в темных пятнах, будто захватанный, но он был уверен: это старье или подделка под старье. А нарисовано красиво. Насколько он, Андрей, мог судить.

«Показать бы его Маше, – промелькнула в голове мысль. – Она-то точно в этом понимает». Андрей вздохнул. С того дня, как на него нарычала Наталья, он больше не приходил. Маша тоже ему не звонила. И не понять было: то ли она все еще в депрессии, то ли согласна с родительницей (а что у него с Машей и правда общего-то, кроме маньяков?) и не хочет больше его, вахлака, слышать и видеть. «Я просто узнаю, все ли с ней в порядке, – сказал себе Андрей, пряча в прозрачную папочку рисунок. – Узнаю и – все».

А пальцы уже быстро (только бы не дать себе задуматься и – передумать!) нажимали на кнопку «вызов», и он с силой прижал телефон к уху.

– Привет, – сказала Маша, и голос у нее был такой же безжизненный, как и раньше.

– Привет, – бодро ответил Андрей и сглотнул: так ему захотелось ее увидеть, прижать к себе, погладить по голове. – Ты как? – спросил он, потому что она молчала.

– Нормально.

– Что делаешь?

– Готовлю себе обед.

– А почему так поздно? – Андрей посмотрел на часы: было почти четыре пополудни. Маша молчала.

– Ты ничего не готовишь, – понял он и выдохнул. – Ты вообще ела сегодня? – Тишина. – Где твоя мама? – Снова молчание.

– Уехала, – наконец, тихо прошелестела Маша в трубку.

– Что?! – заорал Андрей.

– Перестань кричать, – голос у Маши чуть набрал силу. – У мамы конференция, я уговорила ее поехать. Сказала, что буду хорошо себя вести. Смотреть телевизор, читать добрые книжки и отлично питаться.

Тут уже замолчал Андрей: горло перехватило от ярости. Как Наталья могла бросить Машу в одиночестве?! И даже не предупредив его? Какой телевизор, какое питание? Маша сейчас одна в квартире, насыщенной страшными воспоминаниями, как болото – миазмами. О чем, черт побери, Наталья думала?!

– Я сейчас приеду, – сказал он и, не дождавсь ответа, отключился.

Маша

Она не хотела никого видеть, но когда Андрей намерен сделать то, что он считает правильным, уговоры бесполезны. Мама действительно укатила на конференцию. Ради того, чтобы она согласилась уехать, Маша пару дней разыгрывала выход из депрессии (где только силы брались?). Оставляла повсюду открытые книжки, попросила купить себе модные журналы (если бы мама хоть на секунду задумалась, то сразу заподозрила бы неладное!). Но та была счастлива: модные журналы у ее дочери, с детства не снимающей униформы – темные джинсы, черная футболка, вот уж действительно мощнейший сдвиг. Маше было стыдно, но не за обман, нет! А что не догадалась подыграть матери раньше. Подумаешь, полистать пять минут при ней цветные картинки – а сколько радости!

Мать тоже ходила с темным от горя лицом и ни с кем из соблезновавших друзей не общалась. Но она каждое утро отправлялась на работу и каждый вечер с нее возвращалась. В ее существовании была хоть какая-то «положительная динамика», как Наталья сама ее определяла у своих пациентов.

А Маша... Маша жила словно на дне океана. Где-то там, наверху, сквозь толщу воды виднелся тусклый солнечный диск, медленные и степенные проходили корабли, стремительно проплывали какие-то морские гады. Но для Маши это все было – как тень на лице. Где-то далеко, будто в другом измерении, мама открывала перед ней холодильник, полный снеди: объясняла, что Маша будет есть сегодня и завтра, вот, посмотри, почти не надо готовить, только разогреть... Но как только за ней захлопнулась входная дверь, Маша вернулась в кровать и не вставала с нее, пока не позвонил Андрей. Она бы и трубку не брала, но Андрей был... Как тот корабль, что бросил якорь прямо над Машиной головой. Он качается на волнах где-то далеко под солнцем. Там – крики чаек и бодрые команды капитана. Он ее

ждет. А она не ждет никого, но поднимает голову и смотрит иногда вверх: он еще там? Или уже уплыл?

– Надо бы приготовить еду, – сказала себе Маша. Поплелась на кухню, открыла холодильник и замерла, забыв, зачем пришла. Мама купила все самое Машино любимое, оно заманчиво переливалось под ярким светом. Маша молча обозрела полки, захлопнула дверцу и села на табуретку рядом со столом. Она смотрела на муху, ползущую по стене, и ни о чем не думала, пока не раздался звонок в дверь. Тогда она тяжело поднялась и пошла открывать. На пороге стоял Андрей, щеки разрумянены, голубые глаза ярко блестят. «Какой красавец», – впервые подумала Маша о нем в таких терминах.

Андрей

«Как она похудела!» – он чуть не заплакал от жалости. Андрей решительно скинул обувь и куртку, прошел в кухню. Когда Маша появилась там минутой позже, Андрей со злым сосредоточенным лицом уже метал еду из холодильника на стол. Не глядя на Машу, быстро настрогал зелень, кинул на сковородку кусок мяса, поставил чайник. В том же военном ритме положил огромную порцию ей в тарелку, меньшую часть – себе. Сел, поднял на Машу строгий взгляд, приказал:

– Ешь.

– Не буду, – сказала она, как маленькая девочка.

– Ешь, – повторил он и сам нарезал для нее мясо в тарелке. Маша заторможенно, как в замедленной съемке, подняла вилку, положила кусок мяса в рот. Андрей зарычал. Маша послушно зажевала. Он выдохнул и сам начал есть: пообедать он, конечно, не успел.

– Сегодня выезжали на убийство, – сказал он, не прекращая работать челюстями. – Опять одна из «потеряшек». Знаешь, странная какая-то история. Сначала пропадают девочки. Самые обыкновенные: не модели, не дочери каких-нибудь там банкиров, не телеведущие. То есть похищения с целью выкупа исключаем. Да и не звонит никто, денег не требует. Дальше – больше. Проходит месяц или два, и мы их обнаруживаем по месту жительства. В квартирах ничего не взято – ну, там, положим, и брать-то нечего! Районы все на окраинах, жизнь у девок, прямо скажем, не гламурная. На теле – никаких повреждений, но у всех – одинаковая странгуляционная борозда, и вот еще... – Андрей вдруг запнулся и сделал вид, что подавился.

«Болван! – выговаривал он себе, театрально кашляя. Отвернулся, встал и налил воды из-под крана. Не поворачиваясь к Маше, стал пить крупными глотками, пытаясь выиграть время. – Нет, каков идиот! Только пришел, и сразу с места в карьер – про удушение! Ей

только этого сейчас не хватало! Права была Наталья! Нечего мне приезжать, если я ни о чем, кроме как об убийствах, говорить не способен!» Андрей осторожно поднял на Машу глаза и обомлел: она смотрела на него впервые за последний месяц с искренним интересом.

И еще – он заглянул к ней в тарелку – от огромной порции не осталось и следа.

Маша

Маша терпеливо дождалась, когда он откашляется, выпьет воды и усядется, наконец, на место:

– И? Что еще?

– Рисунок, – хриплым голосом сказал Андрей. – Внизу надпись по-английски: Айнгрес. Или Айнгрис. У меня с английским не очень.

– У тебя, конечно, при себе копии нет, – сказала она строго и удивилась, чего это он сидит такой довольный?

– А вот и есть, – растянул рот до ушей Андрей. – Оригинал. Еще не довез до Петровки. Только в конверт для вещдоков упаковал. Но по предварительным данным – отпечатков пальцев на рисунке нет. Если и были, то давние – больше месяца, и уже высохли.

И не дожидаясь ее просьбы, сходил в коридор, где лежал портфель. Принес прозрачную папочку, в которую положил рисунок. Маша взяла ее аккуратно за края, внимательно осмотрела. Андрей терпеливо ждал, приканчивая мясо. Собрал тарелки, сложил в раковину.

– Чай будешь? – спросил он, по-хозяйски открывая шкафы в поисках заварки и сладкого. Маша кивнула, не отрывая пристального взгляда от рисунка:

– Мама купила зефир в шоколаде. Поищи на верхней полке. Слева.

Андрей хмыкнул, достал коробку.

– Это эскиз, – сказала она наконец, когда он уже поставил перед ней чашку с чаем. – Видишь, он изучал положение руки, прикидывал, как лучше.

– Этот самый Айнгрес?

Маша усмехнулась:

– Энгр. Художника зовут Энгр.

– Мадам читает по-французски? – усмехнулся в ответ Андрей. – Как много я о тебе еще не знаю...

– Мадемуазель, – огрызнулась Маша. – И да, читаю чуть-чуть. В университете учили. Французский – язык международного права. Кроме того, – предупредила она уже готовящуюся сорваться с языка Андрея колкость, – Энгр – очень известный художник.

Он молчал, но лицо его было выразительнее слов.

– Родоначальник французского классицизма, – сжалилась она. – Точнее, неоклассицизма, – поправились, нахмурившись.

– Ха, ну это, конечно, все меняет, мадемуазель!

Маша оторвалась от рисунка, подняла на Андрея глаза: по лицу скользнула улыбка. Он внезапно обнял ее и поцеловал быстро и крепко в губы.

– Да, – оторвалась от него Маша, не дав отвлечь себя от темы. – У нас Энгр висит в Пушкинском. Я бы на твоём месте показала рисунок специалистам.

– Делать мне больше нечего, – беспечно пожал плечами Андрей, – только по твоим музеям бегать! У меня этих «потеряшек» уже три штуки и других трупов – навалом.

– Понятно, – насупилась Маша. Она ненавидела такие ответы.

– Но, – вкрадчиво продолжил Андрей, – у тебя же еще сохранилось твое удостоверение? – Она кивнула. – Вот и сходи, развейся! – Андрей, довольный, откинулся на стуле, а Маша наконец поняла его незамысловатую игру: выманить ее из дома на пусть и сомнительной свежести воздух музейных залов.

«Ладно, – подумала она, – твоя взяла».

Уж больно интересный был рисунок. Маша неоклассицизмом не сильно интересовалась, но тут и не надо быть специалистом. Летящая подпись в углу, легкие, но уверенные линии, нежный овал лица, округлые, будто перетекающие друг в друга формы: плечо, локоть, бедро, колени...

– Это сепия, – сказала она вслух. – Отличный набросок. – И добавила, подняв на него глаза: – Я схожу завтра в Пушкинский, если ты не против. – Андрей кивнул. Ей ужасно хотелось достать рисунок из прозрачной пластиковой папки, почувствовать в руках

старую пористую в темных пятнах бумагу. Она перевернула рисунок в папке и замерла.

Что-то было написано на обратной стороне: не сепией и не углем. Тончайшим карандашным грифелем, отточенным бритвой до предельной, на грани слома, остроты.

– «Cherchez les femmes», – прочитала она медленно и, хмурясь, посмотрела на Андрея.

– «Ищите женщину?» – усмехнулся он в ответ, отхлебнув чаю. – Банальненько. Это даже я знаю.

– Нет, – покачала головой Маша. – Женщины тут во множественном числе. Ищите женщин.

Андрей откусил от зефирины, задумчиво пожевал:

– Женщины-убийцы? Клуб дам-ниндзя?

Маша повела плечами:

– Думаю, «искать» здесь употребили в другом смысле... Точнее, в другом направлении. Убивают не они, а их.

Андрей медленно положил зефирину на блюдце в веселых петухах рядом с чашкой:

– Хочешь сказать, убийца дает понять, что еще не закончил?

И именно в этот момент раздался требовательный звонок в дверь. Так могла звонить только мама. Андрей вздрогнул, а Маша пошла открывать.

* * *

Дочь открыла дверь, и Наталья сразу отметила взглядом неладное: кроссовки сорок третьего размера и кожаную куртку. Не имело ни малейшего смысла спрашивать, чьи они. Она покосилась на кроссовки с такой безгливостью, будто это была парочка разлагающихся крыс. Поставила сумки, молча сняла сапоги на каблуках, чмокнула Машу в щеку и прошла к себе, не забыв плотно закрыть дверь.

Маша вернулась на кухню, где растерянно мялся Андрей.

– Чувствую себя десятиклассником, которого родители, возвратившись с дачи, застали с дочерью...

– ...Восьмиклассницей, – подхватила Маша и ободряюще улыбнулась: – Все у вас наладится. Я с ней поговорю. Беги!

Андрей мгновенно оделся и задержался у двери только на две минуты – чтобы поцеловать ее долгим нежным поцелуем. «Мы так давно не целовались!» – подула Маша, с трудом от Андрея оторвавшись и прочитав у него в глазах ту же мысль.

– А давай квартиру снимем? – вдруг ляпнул он, и взгляд у него был радостно-безумный. Маша улыбнулась, ничего не ответила, только спрятала лицо у него на шее, втянув с силой его запах, и чуть подтолкнула к лифту: – Иди уже, иди!

– Завтра? – спросил Андрей, и она кивнула. Завтра будет новый день. И, закрывая за ним дверь на замок, вдруг осознала, что дышит как-то иначе, чем еще час назад. Будто он разом вытащил ее на поверхность: под ней еще колыхались те самые тонны воды, но уже рядом были небо, солнце и Андрей. И новое расследование. Да, в этом-то все и дело. Маша усмехнулась.

У нее появился новый маньяк.

* * *

– У меня появился новый маньяк, – заявила она с места в карьер, зайдя в мамину комнату. И увидела, как дрогнули ее плечи под тонким пледом. Маша присела рядом, неловко погладила мать по руке. – Мама, пожалуйста, перестань. Ты же меня знаешь. Я никогда не смогу серьезно увлечься чтением женских журналов. А Андрей принес мне загадку – и все, я уже хочу снова поесть и выйти на улицу, и разговаривать.

Наталья медленно к ней развернулась. Дочь и правда выглядела много лучше: глаза блестели, на щеках играл румянец. «Что ж он с

ней такое сделал, этот капитан Очевидность?» – явственно читалось в ее глазах. И Маша посерьезнела:

– Мама, не сердись, пожалуйста, на Андрея. Поверь, для меня работа – лучшая терапия.

Мать помолчала, строго глядя на нее, и, наконец, улыбнулась:

– Для меня – тоже.

– А как прошла твоя конференция? – Маша подала ей руку, и мать послушно поднялась с дивана, оправила юбку.

– Мне хлопали. А ты – ела?

– Ела. Много, – ответила Маша и почти не соврала, но на всякий случай перевела стрелки. – Ты сама-то голодная?

– Я уставшая, – огрызнулась Наталья. – И мечтаю о чае с зефиром – если, конечно, твой капитан не все подчистил.

* * *

Маша села на любезно предложенный стул и улыбнулась сидящему напротив мужчине:

– Мария Каравай. Это я вам звонила с Петровки.

– Комаровский, Лев Александрович, очень приятно, – слегка поклонился в ответ высокий пожилой мужчина в костюме-тройке. – Насколько я помню, речь шла об эскизах...

– Да. – Маша полезла в сумку и вынула три рисунка в прозрачных пластиковых папках. – Как я уже говорила, их нашли рядом с трупами молодых девушек.

Комаровский протянул к рисункам сразу ставшие хищными желтые от никотина длинные пальцы.

– Ну, это мне знать не обязательно. Позвольте-ка.

И он, поправив на хрящеватом носу тончайшие золотые очки, жадным взглядом вперился в рисунки. Сощурился, то придвигая, то отодвигая листы с эскизами, рассматривал подпись. Чтобы его не смущать, Маша, в свою очередь, разглядывала кабинет.

Стены выкрашены банальной масляной краской, но на одной фламандский гобелен, рядом – темный массивный шкаф в резьбе, века XV, и в нем тесно, одна к одной выстроились книги и альбомы по искусству. А в глубине комнаты стоит еще один стол, круглый, и тоже заваленный книгами.

«Интересно, каково это, – думала Маша, – проводить большую часть своего времени в одном из лучших музеев страны. Доме, более родном, чем собственный? И что там, в квартире замдиректора: подражание музейным стенам или полный аскетизм, дающий отдых глазам, уставшим от шедевров?»

– Не знаю, не знаю. Странная история. – Комаровский наконец отодвинул листы с набросками. – Бумага явно датируется эпохой, когда жил художник. Но в конце концов Доминик Энгр – это вам не Пупкин. Все его работы известны наперечет.

– А точнее? – Маша подалась вперед. – В России?

– Точнее? Пожалуйста. У нас имеются только три картины Энгра. Одна здесь, в Пушкинском музее. Одна у частного московского коллекционера и третья – в Петербурге, в Государственном Эрмитаже.

– И имя Энгра не всплывало в последнее время в связи с чем-нибудь... – Маша замялась.

– Криминальным? Да помилуйте, барышня. Я же вам только что объяснил. Есть три живописные работы. Две из них в крупнейших музеях страны. Если бы что-то случилось с третьей, я бы узнал, да и ваши коллеги...

Маша кивнула и поднялась со стула:

– И все-таки я бы попросила вас сделать экспертизу набросков.

Комаровский тоже встал, протянул прохладную длинную ладонь:

– Ну что ж, если следственные органы настаивают...

Маша виновато улыбнулась:

– Боюсь, что настаивают. И спасибо за потраченное на меня время.

– Не стоит, – Комаровский снял очки, положил их сверху на эскизы. – Я позвоню вам, как только что-то выясню.

Он

Поначалу отец стеснялся водить женщин. Он мог бы снять квартиру – это и в те времена было возможно. Но квартира – уже след, кто-то мог увидеть, или девица могла осесть в ней и отказаться уходить. Получилось бы неудобно. А неудобства академик не терпел. Поэтому некоторое время он тискал своих аспиранток в гараже. Заезжал вечером во двор, прямо в жестяной облупленный домик напротив собственных квартирных окон. Закрывал дверь изнутри, садился на сиденье рядом с молодой аспиранточкой и – прогуливался ухоженными пальцами по позвонкам на тонкой спинке, как по клапанам саксофона. Доходя и нажимая, как на кнопку, на рудимент хвостика – крепкий копчик, – поддевал резинку трусиков. И далее – раздвигая нежные маленькие ягодички, почти помещающиеся в жадную ладонь. И, дав студенточке или аспирантке поерзать чуть-чуть на внушительной академической длани, крался хищными пальцами дальше во влажную щель, пока девица не начинала ерзать, приподниматься на ладони, откидывать голову и жалобно постанывать. Тогда он под разочарованный скулеж один за одним вынимал мокрые пальцы, поднимаясь ими обратно по позвоночнику и оставляя на нем остро пахнущий след, обтирал их окончательно об юный, налитый кровью приоткрытый рот и – целовал на прощание. Разворачивал требовательно всей пятерней к себе неумело накрашенное лицо: и сначала сцеловывал кислосоленый отпечаток собственных пальцев, а потом грубо, не снимая липкой пятерни, залезал огромным, в белом налете заядлого курильщика языком прямо под розовое небо.

Сын однажды вечером имел «счастье» наблюдать за этим действием. Роковое пересечение случайных координат: невынесенного помойного ведра («Сынок, сходи выброси мусор, пока папа не пришел с ученого совета!») и незакрытой двери

гаража. Что он там мог видеть через щель, когда бóльшая часть действия не поддавалась обзору? Однако ж... Освещенное сверху лампочкой запрокинутое лицо в машине, прикрытые в экстазе глаза, оскаленные в гримасе зубы. Темный профиль отца, наблюдающего с опущенными веками за эффектом, производимым собственными пальцами. Джазист. Виртуоз.

Мальчик помчался домой, пустое пластмассовое ведро больно било по ногам.

– Что случилось? – спросила мама, когда он, задыхаясь, появился на пороге квартиры. Он весь дрожал. Бросил ведро и убежал в свою комнату. Мать пожала плечами: ей было не до него. Возвращался муж, и к его приходу все должно быть идеально: суп – в супнице, свежий бородинский хлеб – в плетеной хлебнице, масло – вологодское – в миниатюрной масленке в виде коровки (Кузнецовский фарфор, XIX век). Ну и водочка, конечно, из простой, но правильной граненой рюмочки – но это уже прямо перед тем как сесть за стол. Отец пришел получасом позже, и мальчик следил за ним из-за двери: вот он, как обычно, дважды вымыл руки, будто хирург перед операцией. А мама подала свежее полотенце. Вот сел за стол, опрокинул рюмку, крякнул и стал степенно есть. Мальчику подумалось, что то страшное в гараже ему почудилось. Тот ужасный оскал, и темный профиль, и эти звуки, стоны, хрипы. Сдавленные, низкие, будто им тесно в юном теле. Дикие. Он сглотнул. Все было неправдой. И он решил это забыть.

Но отец не дал ему такой возможности. Не прошло и полугода, как сын увидел ту девку в ванной. Почему отец на этот раз привел ее домой? Может быть, потому, что не опасался возвращения матери – та уехала ухаживать за сестрой, – а школьного расписания сына он так и не выучил. Мальчик пришел домой, бросил портфель под вешалку и, снимая обувь, вдруг замер: он услышал какой-то звук и сразу узнал тот самый – протяжный, нечеловеческий. Он постоял на месте, раздумывая, что же все-таки ему делать? Уйти обратно в ранние зимние сумерки? Будь тогда лето, он бы так и сделал. Но

дорога от школы занимала добрых полчаса, и он изрядно промерз. И дома к тому же пахло так по-родному маминым запахом и – котлетами. Стон, идущий из ванной, на этом фоне был еще более пугающ. Мальчик сглотнул и пошел, как зомби, на звук в конце коридора. Чем ближе он подходил, тем больше звук разлагался на составляющие: кроме стона и хрипа, слышались плеск, шпоканье, урчанье. И шипение. Мальчик вдруг остановился. Однажды, когда он жил у бабки на даче, его остановила на дороге юродивая: старуха, обитавшая при разрушенной колокольне в деревне. Она схватила его за руку темной от грязи и вечного загара ладонью и стала говорить об одержимости дьяволом: «Он входит в человекoв, и они превращаются в зверев, гадов, аспидов...»

– А-а-а! – донеслось протяжное из ванной, и мальчик, как зачарованный, пошел вперед, туда, откуда шел жуткий крик. Он был готов увидеть осклизлую чешую, страшный острый хвост и нечеловеческие глаза с вертикальными желтыми зрачками. И когда открыл дверь, невольно зажмурился от ужаса.

Между тем в ванне вздымалось в пенной воде нежное перламутровое тело папиной любовницы. Сам отец сидел рядом в совсем мокром халате и глядел на свою Афродиту с явным удовлетворением. Академик был брезглив и отвергал – если не у себя, то уж точно у своих женщин – любые признаки старения. Никаких вросших ногтей, обезображенных годами на каблуках ступней, опустошенных кормлением молочных желез, вылезших на поверхность вен, свойственных его сверстницам. Только гладкая упругая кожа, запах молодого тела, яркий, не потраченный временем, цвет волос и глаз. И та, что в тот вечер лежала в его ванне, была прекрасна: маленькая задорно торчавшая грудь, впалый живот, розовые пятки.

Академик был бы очень удивлен, если бы узнал, как видит очастливленную его вниманием студенточку его восьмилетний сын, застывший в проеме двери. То, что лежало в ванне, вовсе не казалось ребенку красивым.

Более того, оно вообще не казалось ему человеком.

Маша

Маша вышла из музея и задумалась: ей уже хотелось домой... Она устала с непривычки. Но Андрей сказал, что Хмельченко сегодня заедет на опечатанную квартиру первой жертвы – некой Алины Исачук, и Маша понимала: это ее единственный шанс взглянуть на место обнаружения трупа. Она ничего не сможет там найти – тут и к гадалке не ходи. Но зато составит свое мнение о жившей там девушке. И, с трудом переставляя ноги, она спустилась в метро.

– Это потому, что ты сегодня еще не ела. – Хмельченко смотрел на нее внимательно, даже слишком. И она понимала причины такого любопытства. Сначала эта осенняя история (она не будет об этом думать, точнее, как Скарлетт О`Хара, подумает об этом завтра...). Потом проходит месяц, в течение которого о ней, Маше, нет ни слуху ни духу, и вот, пожалуйста, – прелестное видение в квартире жертвы по другому делу.

– Я здесь ненадолго, – сухо сказала Маша, отказываясь жестом от предложенного бутерброда. Этот самый сэндвич, до которого Хмельченко смог добраться только на месте преступления, как ни странно, не казался ей святотатством. В сыщицком убогом с гастрономической точки зрения обеде было много общего с этой квартирой. «Неприкаянная», – подумала Маша: и о доме, и о девушке. Она задумчиво перебирала книги на полках. «Большая разница с кабинетом замдиректора Пушкинки», – усмехнулась она про себя. Одни слащавые дамские романы: большегрудые красотики в кружевах и мускулистые смуглые красавцы. Романы были зачитаны, и от этой книжной полки тоже тянуло, как сквозняком, тоской. Тоской о другой жизни, других мужчинах, не таких, как здесь, рядом с ларьками за МКАДом. Жертве хотелось настроиться на другой лад, нежели музыка «улиц и рабочих кварталов», а где отыскать его, этот лад, Алина не знала.

– А вы не нашли ничего, связанного с живописью? – спросила она Хмельченко, и тот с сожалением оторвался от бутерброда.

– Живописью? – Он сощурил голубой глаз в бесцветных ресницах. – Я тебя умоляю! Да она и слова-то такого не знала!

Маша кивнула. Да, похоже на правду. Она просмотрела скудный набор одежды в единственном шкафу: вся из немарких искусственных тканей – грошовые кофточки, юбочки, брючки. Девушка выбирала одежду ради одежды. Если джинсы – то потому, что нужны были штаны из долго не изнашивающейся ткани. А не оттого, что ей на этой неделе захотелось двадцатую пару со стразами – под настроение.

Внизу шкафа, справа, рядом с разношенной зимней обувью в солевых разводах и почему-то огромного размера, оказалось еще три ящика. Маша рассеянно по очереди их выдвигала: в верхнем хранился комплект постельного белья в размашистых розовых цветах, в среднем – запыленный флакон дешевого парфюма, сломанный карандаш для глаз, тени с блестками и тональный крем. В нижнем ящике лежали лифчики с поролоновыми вкладышами типа «Вандербра» и трусы: видно было, что их уже перерыли чьи-то неделикатные руки.

На секунду задумавшись, Маша все-таки выложила все содержимое на кресло рядом. Хмельченко, перестав жевать, внимательно за ней наблюдал. Она отметила про себя, что нижнее белье у девушки было на порядок выше качеством, чем вся остальная, безжалостно выставленная сейчас на обозрение жизнь. Сама Маша никогда не уделяла чрезмерного внимания этим деталям туалета, и поэтому, нахмурившись, задумчиво смотрела на кружева и полупрозрачный искусственный шелк.

– У нее был любовник? – спросила она у капитана.

– Был, – Хмельченко одобрительно кивнул. – Дальнобойщик, – лениво протянул он. – Хороший парень. Но не наш. Во время обнаружения второй девицы уже недели две как отдыхал в Геленджике с законной супругой.

Маша внимательно на него посмотрела. Хмельченко понял немой вопрос:

– Есть показания нескольких свидетелей, – и обиженно хмыкнул: – Мы тут до твоего прихода без дела не сидели, знаешь ли!

Но Маша уже отвернулась: сложила обратно нижнее белье, задвинула ящик.

– Я пойду.

– Подвезти? – без особого энтузиазма предложил Хмельченко. Он ее явно побаивался.

– Нет, спасибо! – Она открыла входную дверь. – Я на метро.

* * *

Маша решила, чтобы не делать пересадку, выйти чуть пораньше и дойти до Тверской пешком по бульварам. Во-первых, она уже недели три не была на улице и чувствовала насущную потребность проветрить застоявшийся в спертой атмосфере квартиры мозг. А во-вторых, привычку покупать книги в магазине «Москва» никто не отменял.

Воздух был уже холодным, крепким, как антоновское яблоко, и небеса ему под стать – редкие поздней осенью – голубые-голубые. Маша шла, ничего не видя вокруг, и пыталась вспомнить, кого ей напомнили девушки с эскизов. В них была нега, Энгру вообще свойственная. Но Энгр был еще и блестящим портретистом – самым востребованным парижской знатью. А в этих рисунках лицо являлось как раз вторичным. «А что же первично?» – размышляла Маша. И поняла: первичным было «выражение на лице», и позы девушек под это выражение идеально подходили: томные, расслабленные.

Маша вздохнула и пропустила людей, выходящих из книжного. Уточнив у молоденькой продавщицы, где можно найти биографии, сразу прошла к нужной полке: вот из серии ЖЗЛ – Энгр, Жан Огюст

Доминик. Еще бы найти альбом с репродукциями... И Маша прошла туда, где продавались альбомы по искусству, но ничего не нашла. Ей повезло только в антикварно-букинистическом отделе: чуть потрепанный корешок издания родом из 80-х будто сам лег в руку.

Маша мельком взглянула на обложку и вздрогнула: ну конечно! Вот откуда эти позы, это лица выраженье! Как же она могла забыть?

Андрей

Андрей стоял на ковре перед начальством. Ковра, впрочем, не было. Так, паркетишко. Но Анятин вызвал его «на ковер» и был прав: три убийства. Абсолютно одинаковый почерк: удушение в некоем другом месте, аккуратное. Трупы принесены, обнажены, лежат в идентичных позах «полного покоя» – тело вытянуто, ноги вместе, руки – вдоль туловища. Странгуляционная борозда на шее. Никаких следов борьбы или насилия. Только трепетно приложенные к девичьей груди рисуночки ню, прелестные и явно не из этой жизни.

Вокруг новостроек, где жили и были найдены мертвыми эти девушки, куда б не устремился взгляд – сплошные угрюмые пустыри и ларьки с необходимым для преодоления подобного бытия дешевым пивом, жвачками – чтобы отбить запах пива же – и презервативами. И есть в этих покойницах еще один существенный в схожести момент: все они – из списка «потеряшек». Заявления о пропаже поступили где-то за месяц до обнаружения трупа. А теперь, внимание – вопрос: ну и где их все это время держали? А главное, зачем? Использовали, как дармовую рабочую силу? Но никаких кровавых мозолей у девушек обнаружено не было. Подпольные публичные дома? Не складывается: одна из них вообще оказалась девственницей. И наркопритон исключается: на телах никаких следов от инъекций..

– Еще повезло с рисунками этими. – Анятин, открячавшись, завершил «педагогическую» часть беседы, и Андрей мгновенно вылез из собственных размышлений. – Заподозрили серию, прислали. А ты в курсе, сколько таких девиц с замкадья в год пропадает?

– В курсе, – капитан продолжал угрюмо разгрядывать паркет.

– И я в курсе. Тыщи три. Так что если у тебя серия – а у тебя тут серия, и к бабке не ходи! – то искать тебе, Яковлев, иголку в стоге

иглоков.

– Спасибо, обнадежили, – Андрей поднял на шефа глаза и мрачно усмехнулся.

– Что за рисунки-то? – спросил шеф уже вполне миролюбиво, усаживаясь обратно в кресло, с которого вскочил, выговаривая Андрею.

– Энгр, – сухо отвечивал тот не без скрытой иронии. – Огюст Доминик, если я правильно помню.

– Что? – шеф медленно приподнялся, и Андрей поспешил отрапортовать: – Французский художник, основоположник неоклассицизма. Деятнадцатый век.

Анютин плюхнулся обратно в кресло, усмехнулся:

– А... Маша Каравай вернулась в наши ряды?

Андрей кивнул:

– Надеюсь, что так. По крайней мере, я дал ей первое задание, как раз таки по рисунку.

– И как оно? – неопределенно спросил Анютин, но Андрей его понял.

– Да было не очень. А сейчас вроде оживилась. Дело для нее подходящее: с культурным уклоном. Опять же француз – пустячок, а приятно.

– Ну-ну, – покачал головой Анютин. – Ты все-таки пригляди за ней. – И строго добавил: – Не люблю я этих эстетов.

– Да кто ж их любит, – понимающе усмехнулся Андрей.

– Сплошные извращенцы, – заключил его начальник. И Андрей кивнул, не подобострастно, а искренне соглашаясь:

– Не без этого.

И неэстетствующие мужчины одновременно посмотрели в окно на начинающее темнеть небо. Оба думали о Маше Каравай. И им стало не по себе.

Он

Он отпер, почти беззвучно, железную дверь. Втянул носом спертый воздух: настоящая дыра. Надо будет открыть мансардные окна – проветрить. В глубине помещения свалены подрамники. Сложены как попало драпировки. Впрочем, ничего лишнего.

Он сразу бросился к столу, где остались лежать еще с прошлого раза наброски. Иногда, он знал это по собственному опыту, достаточно было чуть-чуть подождать, прояснить картинку в голове – и снова взяться за работу. А бывало – редко, очень редко! – что, дав «отлежаться» эскизу пару дней, он смотрел на него свежим взглядом, и он ему – нравился!

Сегодня был как раз такой уникальный случай. Он одним движением поднял жалюзи на мансардных наклонных окнах – в свое время попросил рабочих начать ремонт именно с них и ими же впоследствии и закончить. Свет, даже слабенький, зимний, лился сверху, будто из трех колодцев. Каждый угол чердака осветился и преобразился, обретая четкость и значительность интерьера, как у малых голландцев. Он встал под один из световых потоков и с жадностью схватил эскизы. Медленно начал перебирать: кисти рук, грудь, поворот головы, движение плеча, шеи. И удовлетворенно хмыкнул: отлично. Просто отлично.

Он потер, разогревая, ладони, достал новый лист, прикнопил к планшету, с удовольствием проведя рукой по еще не тронутой бумаге. Хорошо бы взять тонированную, но и такая, белая, крупнозернистая, подойдет. Вынул потрепанную коробку с сангиной: внутри перекатывались красновато-коричневые мелки.

И стал ждать: напротив в углу зашевелилась гора тряпья, из нее показалась сначала растрепанная голова, а потом – и все остальное.

– Я принес поесть, – сказал он спокойно. Он был уверен, что она уже учуяла запах жареной курицы. – Но сначала поработаем.

– Пожалуйста! – услышал он тихий голос и поморщился. – Отпустите меня! Я скажу, где мои деньги! Я на квартиру себе копила. Они спрятаны...

– Тссс... – прервал он ее нетерпеливо. – Садись. Да не держись ты за одеяло! Здесь тепло. «Даже душно – подумал он. – Пока она ест, открою окна, проветрю».

И скорее почувствовал, чем услышал, как она всхлипывает. Дурища! Черт возьми, как же они ему надоели! Сейчас лицо опухнет, и что с этим делать? Переждать еще полдня? Он выдохнул и попытался доброжелательно улыбнуться:

– Ну, ты что? Перестань капризничать, девочка. Мы с тобой уже почти закончили. Скоро будешь дома.

Маша

Она вскочила от перезвона будильника, который завела вчера – впервые за несколько месяцев с некоторым удовлетворением. Альбом с репродукциями Энгра шмякнулся на пол.

Мама заглянула в комнату, в фартуке поверх костюма:

– У тебя звонил телефон: ты его оставила в прихожей. Думаю, твой капитан. Но сначала поешь – я сделала гренок. Тебе с сыром или с вареньем?

Маша повела носом и почувствовала, как рот наполняется слюной.

– С вареньем и со сметаной! – крикнула она вслед убежавшей на кухню переворачивать гренки матери. И поскакала в ванную.

Маша ела гренки, обмакнув их, как в детстве, в божественный в своей простоте соус: варенье и сметана. Пятьдесят на пятьдесят. Мать сидела напротив молча, по-деревенски подперев подбородок рукой, и с нежностью смотрела на дочь.

Та на минуту оторвалась от гренок:

– А ты что, есть не будешь?

Наталья вдруг встала, быстро погладила ее по голове и сразу же отвернулась к плите. Маша нахмурилась и замерла с гренкой на весу: мамина спина была весьма многозначительной.

– Значит, Энгр? – вдруг спросила Наталья, не поворачиваясь к дочери. Маша усмехнулась, чуть расслабилась и сунула гренку в рот: мама держит руку на пульсе.

– Он самый. Тебе нравится неоклассицизм? – она удачно, как ей показалось, перевела разговор от маньяков в русло высокого искусства.

– Не знаю, – мать поставила на стол новую порцию гренок. – Хороший портретист.

– Может быть, – Маша одним глотком допила кофе. – Но скучный он какой-то. Академичный. И с пропорциями проблемы...

Она замолчала, взглянула на мать: та ждала продолжения про убийства. Про убийства Маша говорить не хотела: нечего маме про них слушать. И тут, к счастью, зазвонил мобильник в прихожей. «Андрей!» – подумала Маша и мимолетно улыбнулась – повезло. Ей опять удалось ускользнуть от серьезной темы.

Но это был не Андрей – на экране высвечивался незнакомый городской номер.

– Доброе утро! – услышала она мужской голос и с удивлением узнала Комаровского.

– Доброе, Лев Александрович.

– Прошу прощения за столь ранний звонок, но вы сами попросили беспокоить вас в любое время, и...

– Вы совершенно правильно сделали. Что-нибудь случилось?

– Ммм... – на другом конце провода замдиректора Пушкинского музея пребывал в явной растерянности. – В некотором роде. Думаю, вам лучше подъехать самой.

Маша быстро завязала волосы в хвост, мельком взглянув на себя в зеркало в прихожей, и крикнула в сторону кухни:

– Мам, я в Пушкинский музей. Это срочно.

«Пушкинский музей звучит нестрашно», – думала она, закрывая за собой дверь. У мамы сегодня будет приподнятое настроение: ее дочка в кои-то веки окажется в кругу достойных людей. Искусствоведов, а не маньяков.

Но в лифте все равно набрала телефон Андрея: искусствоведы – это, конечно, отлично, но один маньяковед ей точно понадобится. Да и без маньяков ей очень хотелось его увидеть.

И еще – что-то подсказывало, что разговор с Комаровским выйдет серьезный, и хорошо бы, чтобы Андрей при нем присутствовал.

Андрей

Они сидели напротив Комаровского, и Андрей держал Машину руку под столом. Замдиректора все равно ничего не заметил – так был расстроен, а им с Машей – приятно.

– Лев Александрович, я так и не поняла. Получается, эскизы – подлинные? – переспросила Маша, потому что объяснение Комаровского звучало слишком витиевато.

– В том-то и дело, что да! То есть я вчера, конечно, был уверен, что это просто удачная копия на бумаге эпохи. Но анализ дал положительный результат! Это невероятно! Немыслимо! – Рука, держащая на отлете золотую оправу очков, чуть дрожала.

«Старик и правда очень взволнован», – подумалось Андрею.

– Эскиз подлинный, и мы даже знаем, к какой картине!

– «Турецкие бани»? – тихо спросила Маша, и Андрей бросил на нее вопросительный взгляд.

– Вы разбираетесь в живописи? – Комаровский, в свою очередь, вперил в Машу близорукий взгляд.

– Ну, для того чтобы знать «Турецкие бани», вовсе не обязательно разбираться в живописи, – светски ответила Маша и чуть пошевелила пальцами в Андреевой руке. «Нет, ну какова нахалка!»

– Это верно, – почти успокоился Комаровский. – Картина знаменитейшая.

Ну конечно, иронично поднял бровь Андрей. Вы уж тут побеседуйте меж собой, меж культурными людьми, а я пока выйду – покурю.

– Можно сказать – эквивалент «Джоконды» во французской живописи, хотя я бы, конечно, Энгра с Леонардо не сравнивал, – продолжал Комаровский, а Андрей чуть-чуть приободрился: про «Джоконду» он слышал-таки кое-что краем уха.

– И что же вас смущает? – Маша нахмурилась. – Думаете, при экспертизе была допущена ошибка?

– Исключено, – отрезал Комаровский. – Смущает же меня следующее: все подлинники набросков к «Турецким баням» должны храниться во Франции. А именно – в городке Монтобане, на родине художника. А не лежать, прости господи, рядом с трупами неизвестных девиц!

* * *

– Это международный скандал! – возбужденно говорил Андрей Маше, спускаясь бегом по лестнице. – У Анютина будет инфаркт! А у меня – головомойка! – Он кинул взгляд на ее сосредоточенный профиль: – Ты о чем думаешь?

– Я думаю о том, как это в принципе возможно, – тихо зашептала ему Маша, потому что по лестнице уже поднимались любители прекрасного: москвичи и гости столицы. – Это же обожаемый французами Энгр! Они его как зеницу ока...

Маша вдруг остановилась и несмело улыбнулась.

– Маня! – услышал Андрей и обернулся на оклик. На ступенях, возглавляя группу товарищей в солидных костюмах, стоял веснушчатый парень.

– Петя! – Маша подошла и замялась на секунду, но все-таки поцеловала веснушчатого в щеку.

Тот же, не будь дураком, сграбастал ее в объятия. Андрей аж побледнел от злости – что это, черт возьми, еще за Петя?! Но Маша сразу же повернулась к Андрею и представила:

– Это мой одноклассник, Петя. Это мой... – Маша замялась и чуть покраснела. – Начальник. Капитан Яковлев.

– Очень приятно. – Петя протянул ладонь. – Вы ж небось с Петровки?

– Небось, – мрачно подтвердил Андрей.

– Ну, Каравай, добилась-таки своего! – хохотнул Петя и похлопал Машу панибратски по плечу. Андрей напрягся. – Хотела работать на

Петрах – и вот!

И веснушчатый бегло улыбнулся Андрею, и по этой быстрой оценивающей улыбке Яковлев понял: Машина заминка не ускользнула от Пети.

– А ты? – быстро перевела разговор Маша.

Петя с наигранным смущением развел руками:

– Ну, Маня, ну ты ж меня знаешь! Мы ж с тобой одной породы – упрямыцы. Хотел свою контору – открыл.

– Где? – улыбнулась она, а Андрей чуть зубами не заскрежетал – от раздражения! «Одной породы»! Да что он о себе возомнил, конопатый?!

– В Лондоне, где я отучился весь дипломный год, – обезоруживающе улыбнулся Петя. – В самом что ни на есть Вестминстере! В основном, конечно, корпоративное право, но...

И тут Петя перешел на английский, Маша закивала, а Андрей потерял нить беседы и взъярился еще пуще.

– Мне кажется, – вкрадчиво сказал он на ухо Пете, – вас заждались.

И он кивнул на иностранцев и правда переминающихся с ноги на ногу за Петиной спиной.

Тот обернулся и, взяв Машу за руку, снова залопотал по-английски, но уже фирмачам: Андрей разобрал что-то про «юниверсити бест френд».

– Ладно, – перешел вновь на русский Петя, так и не отпустив Машиной руки. – Пошел нести культурку в массы: обещал сводить коллег в Пушкин музиум. Очень был рад тебя видеть! Ты ж здесь, – и Петюня чуть пренебрежительно, как показалось Андрею, кивнул в его сторону, – наверняка начальству не картины демонстрируешь, а по делу...

Маша опять замялась, а конопатый поднял руки:

– Молчи-молчи, ничего не хочу знать! Не буду выпытывать ваши сыщицкие тайны. Но телефон-то у тебя не изменился?

– Нет, – улыбнулась Маша.

– Вот и отлично! – прямо-таки залучился радостью Петя. – Жди звонка! – Он повернулся к Андрею, подал руку: – Было приятно познакомиться.

Капитан с трудом удержался, чтобы не продемонстрировать навязчивому парнишке крепость мужского рукопожатия, но вовремя понял, что только еще раз покажет веснушчатому свое пролетарское нутро. «А хочешь выпендриться, – сказал он себе, нежно пожимая Петину руку, – валяй, открывай свою контору. В этом, как его? О! Вестминстере!»

Они спустились вниз и уже сели в машину, а Маша так и не прокомментировала появление своего бест-френда. Тогда решился Андрей.

– Вестминстер, – спросил он как можно более небрежно, – это же – аббатство?

– Это еще и квартал, – задумчиво ответила она. И добавила: – Думаю, тебе нужно позвонить во французскую полицию.

Андрей с облегчением выдохнул: значит, все это время она думала совсем не про Петю.

– Легко! – светски пожал он плечами и резко тронулся с места.

Маша

Стол Андрея окружили дружной толпой. На нее, впервые пришедшую на Петровку после месячного перерыва, слава богу, никто особенно не обращал внимания. Только кивнули приветственно – и все. А вот Андрею не повезло: он набрал номер и ждал, замерев, гудков. Вид у него был очень озабоченный – ну это и понятно.

– Тихо там! – гаркнул он.

– Мне в Париж, по делу срочно! – ерничал сидящий напротив Хмельченко. Андрей показал ему кулак. Слышно было, как на другом конце взяли трубку: Яковлев судорожно дернул кадыком.

– Бонжур, – раздалось в трубке. Окружающие беззвучно заржали. Андрей уже был в испарине.

– Э... Хеллоу, – сказал он. – Кен ай спик ту комиссар (тут капитан, нахмутив лоб, заглянул в бумажку) Перрен? Итс комиссар Яковлев. Ай... Ви... Биг проблем! Биг! – В кабинете притихли: лингвистические муки Андрея вызывали уже всеобщее сочувствие. – Ви фаунд дроинг. Оф Энгр. Ё... ё...

– Пейнтер! – подсказал кто-то из окружающих.

– Да, – подтвердил в трубку Андрей. – Пейнтер.

На другом конце установилось молчание, которое принято называть подозрительным.

Наконец там кто-то кашлянул и произнес, жутко грассируя:

– Диар комиссэр... Ай донт андерстанд.

Маша не выдержала – решительно забрала трубку из влажных от волнения Андреевых ладоней:

– Cher commissaire, ici mademoiselle Karavaille de la police criminelle de Moscou, nous avons trouvé deux esquisses de Dominique Ingres sur le lieu de crime. Je pense, que vous devriez jeter un coup d'œil^[3].

Маша послушала, что ответил ей комиссар, стараясь не замечать обмена взглядами всех присутствующих в «полис криминель», и, положив трубку, отдала бумажку с адресами и телефонами нависшему над ней Андрею.

– Ты почему не предупредила, что так хорошо говоришь по-французски? – зарычал он, пытаясь за строгостью скрыть смущение.

– Ну, – улыбнулась Маша, – я ж не знала, что ты так плохо говоришь по-английски, мон комиссэр!

Раскат хохота, за этим последовавший, привлек любопытных аж из курилки в коридоре, и Хмельченко рассказал еще раз всем на бис о страшных лингвистических страданиях Яковлева, пока сам Андрей, с горящими ушами, сканировал рисунки, чтобы послать их в Париж, усиленно делая вид, что не обращает ни на кого внимания. И слава богу, что никто, и правда не обращал внимания на стажера Марию Каравай, смотревшую на своего босса с плохо скрытой нежностью.

* * *

А в это время в Париже комиссар Перрен довольно покачивал ногой в лоснившихся от самостоятельной глажки брюках и следил из окна, как туристический кораблик огибает остров Сите. «Бедные туристы, – думал он рассеянно, ковыряя в зубах: на обед комиссар регулярно ел хороший кусок мяса с кровью. – Что ж они там видят-то за пеленой дождя?» К слову об иностранцах – девица из России вполне сносно говорила на французском. И Перрен виновато подумал, что и ему надо бы подтянуть свой английский. Но как-то все не до того.

Пискнул компьютер: это пришел мейл от комиссара Яковлева с прикрепленными файлами. Перрен вспомнил, как тот мычал что-то нечленораздельное в трубку, и приободрился: в конце концов, его английский не хуже, чем у русского коллеги.

Он дернул мышью и открыл фото: это и правда оказались рисунки, сильно смахивающие на эскизы Энгра. Перрен присвистнул. Ну надо же!

– Софи! – крикнул он секретарше, болезненно худой, но весьма расторопной барышне с коротко стриженными кудрями. – Найди-ка мне номер музея Энгра в Монтобане!

И добавил, уже не отвлекаясь на вид за окном:

– Вот же черт возьми!

Дел прибавилось, причем с неожиданной стороны.

Андрей

Андрей переслал документы на электронную почту французского комиссара и взглянул на Машу: какая же глупость его ревность и обида на офисные подколки. Тогда как вот же она тут, с ним. И смотрит на него снова живым родным взглядом! Он протянул руку через стол, чтобы дотронуться до тонких пальцев, как вдруг особенно громко заиграл ее мобильник. И рука Андрея испуганной мышью быстро убралась обратно на клавиатуру: печатать отчет для начальства.

А Маша копалась в своей сумке в безнадежной попытке найти сотовый. И отыскала его, как водится, как раз в тот момент, когда телефон наконец замолчал. Она взглянула на экран, нахмурилась и набрала номер.

– Привет, Петя, – сказала она в трубку, и Андрей резко перестал изображать трудовое рвение и устался, не стесняясь, на порозовевшую Машу. Петя?! Какого?.. – Нет, еще не закончила. – И она кинула виноватый взгляд в сторону Андрея.

Тот, мгновенно позабыв о тщете ревности, нарочито развернулся обратно к экрану. Но внутри у него все аж задрожало от ненависти к настырному Пете, а уши выхватывали чутким локатором Машин негромкий голос среди шумного кабинета: ударов коллег по клавишам компов, хохотка Хмельченко на заднем плане, обсуждения завтрашней операции в углу у окна.

– Нет, – говорила Маша тихо в трубку (это чтобы никому не мешать? Или...), – у меня нет никаких планов, но...

Андрей хмурился, сосредоточенно глядя в пустой экран.

– Хорошо, – засмеялась Маша. – Ты, Мацуев и Бетховен – этой троице противостоять невозможно. До вечера!

И положила трубку. Андрей продолжал старательно пялиться в монитор.

– Меня пригласили на концерт Бетховена, – услышал он ее виноватый голос. – Ты не против?

Андрей даже не повернул головы.

– Как можно возражать против Бетховена? – сказал он холодно. – За кого ты меня принимаешь?

– Я очень люблю Бетховена... – тихо продолжила Маша. – И давно его не слышала.

«А диск послушать дома нельзя?!» – хотел было спросить Андрей, но сам себя устыдился. Посмотрел на ее смущенное лицо и сказал вслух:

– Иди, конечно, – и добавил, мрачно усмехнувшись: – Вот спасибо Пете! Ведь я б тебя пригласить на концерт Бетховена вряд ли бы догадался, правда?

Маша уже открыла рот, чтобы ему возразить, да так и замерла: и верно, представить себе Андрея, рассуждающего о специфике игры Мацуева, было сложно. Вид у нее сделался такой растерянный, что Андрей не выдержал, рассмеялся. Маша несмело улыбнулась, а потом расхохоталась, на удивление всему отделу и на радость Андрею, который уже сто лет не слышал, как она смеется. «Спасибо тебе, Петюня, – сказал он мысленно, любуясь Машей. – Так уж и быть, прощу тебя для начала».

Но в семь тридцать у Маши очередной раз зазвонил мобильный, и она, повторяя в трубку:

– Да-да, не опаздываю, хорошо, у входа! – сложила в сумку копии фотографий жертв и большую цветную распечатку «Турецких бань», бегло поцеловала Андрея и выбежала из кабинета. Там сейчас же наступила подозрительная тишина.

– Что? – с вызовом спросил капитан, оглядывая коллег. Все подняли лица от бумаг или оторвались от компов и смотрели на него молча и – вопросительно.

– Да? – спросил наконец Хмельченко: любитель женского полу (успеху на этом поприще несколько мешали выпуклые глаза и

выступающие вперед передние зубы) – и сделал многозначительно так бровями.

Андрей усмехнулся:

– Да.

– Да!!! – заорали все. – Молодца!

Хмельченко даже подошел, чтобы похлопать Андрея по плечу:

– Девка отличная, одна беда – слишком умная!

Андрей уже открыл рот, чтобы высказать наглцу все по поводу «девки», но так и застыл, глядя в окно. Проследив за его взглядом, Хмельченко хмыкнул. А Андрей, не отрываясь, смотрел на ворота Петровки, за которыми стоял настырный Петя в костюме-тройке.

И что самое неприятное – в руках Петя держал огромный веник роз.

– Есть у меня дружбан, гаишник, – жарко зашептал на ухо Андрею Хмельченко. – Могу позвонить, если фамилию этого перца знаешь. Остановят, в живых оставят, но свиданьице точно подпортят!

– Вот сволочь! – рядом у окна возник уже Серый, поскреб пятерней отросшую щетину на подбородке. – И ведь водит же еще небось какой-нибудь «Порше» с «Бентли»?

Андрей молча сел на место – почему же так гадко на душе? Ведь дело не в гипотетическом Петинем «Бентли», не в реальном Петинем шикарном костюме и даже не в том, что ему самому не пришло в голову пригласить Машу на концерт. Но вот розы...

Почему же он ни разу не догадался подарить цветы?

Маша

Маша неловко приняла букет.

– Они завянут уже в первом отделении, – смущенно сказала она.

– Не страшно, – беспечно пожал плечами Петя, – завянут – передаришь Мацуеву. – И добавил самодовольно: – Наши места – в шестом ряду. Пойдем. Я припарковался тут во дворах.

Она положила букет на заднее сиденье – уложенные чинно на коленях длинные стебли либо тыкали Петю в бок, либо, поставленные на попу, заслоняли Маше весь обзор.

– Слышал, твой научный руководитель заочно поставил тебе пять с отличием за дипломную работу, – улыбнулся Петя. – Поздравляю! От Урсоловича это – большой комплимент. Ты как на Петровке-то? Надолго?

– Я... – Маша отвернулась. – Не знаю. Практика закончилась, и я пока в подвешенном состоянии.

– Ясно. – Петя ловко занял единственное свободное место у филармонии. И тактично перевел разговор на другую тему.

Перед концертным залом уже стояла толпа ожидающих и оптимистов, застывших с жалостливыми лицами в надежде на лишний билетик не от спекулянта. Маша чувствовала себя намного свободнее, ненароком забыв в «Порше» огромные, агрессивные почти розы. До начала концерта оставалось еще немного времени, и Петя повел ее в буфет.

– Буфет – гениальное изобретение в театре, филармонии и прочих, не чуждых высокому, общественных местах! – философствовал он. – Спасение для посредственностей! Все бездарные артисты должны скидываться, чтобы обеспечить его качественным алкоголем.

– Чтобы иметь возможность напиться там с горя, сравнивая себя с великими? – усмехнулась Маша, с интересом рассматривая

выставленные бутерброды с красной рыбой и сырокопченой колбасой: есть хотелось зверски.

– Ну нет, – подмигнул ей Петя. – Я, эгоист, думаю только о наших, зрительских переживаниях. Ты вот, например, никогда не замечала, что если чуть выпить перед действием, становишься намного более благожелательным к происходящему на сцене?

– И «лебеди» лучше танцуют, и теноры громче поют? – с наигранной серьезностью спросила Маша.

– А если не лучше, то значит...

– Мало выпил?

– Ты понимаешь меня без слов!

Маша улыбнулась и повернулась к молодому человеку за стойкой:

– Два бутерброда с колбасой, пожалуйста, и...

– Бутылку французского шампанского! – безапелляционно произнес за ее спиной Петя.

– Оно же тут стоит безумных денег! – зашипела на него Маша, а буфетчик неприятно хмыкнул.

– А ты предлагаешь пить дешевый мартини или вот это? – и он, поморщившись, показал на бутылку «Советского шампанского». – Маня, нельзя быть такой патриотичной. Это может губительно сказаться на твоём желудке! Эта «Вдова Клико», наследие пушкинской вкусовщины, – и он положил пару крупных купюр, забрав у юноши бутылку французского шампанского и бокалы. – Тоже, конечно, не бог весть что, – и тут Петя холодно посмотрел на ухмыляющегося буфетчика: – Вот молодой человек явно в этом понимает. – Улыбка с широкого лица парня за стойкой мгновенно испарилась. – Но на безрыбье, как говорится...

Маша кинула виноватый взгляд на парня, вздохнув, взяла тарелку с бутербродами и прошла за Петей к высокому столику.

Петя разлил шампанское, поднял бокал:

– Ну что, за встречу? За чудесный случай, снова сведший нас вместе, так сказать!

Маша отпила из бокала и со сладострастием откусила от бутерброда.

– Да ладно тебе, Петька, что ж в ней чудесного? В меру интеллигентные люди встретились в музее. Вот если бы мы с тобой столкнулись где-нибудь в рюмочной на вокзале, к примеру. Ты – в своем костюме за десять тысяч...

– А ты – в своей новой элегантной полицейской форме... – подхватил Петя.

– Кстати, – Маша положила в рот остаток бутерброда и чуть было по примеру Андрея не облизала пальцы – господи, как же она проголодалась! – У меня ее нет!

– Да ладно! – Петя откровенно веселился. – Не удостоили? А тебе бы пошел сизо-голубой.

– В цвет моего сизого носа, который сразу привлек бы твое внимание в рюмочной? – Они весело рассмеялись, как когда-то, дружно прогуливая пары в универе.

– Ох, Каравай! – Петя подлил ей еще шампанского. – Как же я по тебе соскучился!

– Ох, Осипов! – Маша отпила шампанского – по телу разлилось сытое тепло, и приятно покалывало в кончиках пальцев: божественная смесь колбасы и игристого после рабочего дня. – Не подлизывайся!

Но Петя вдруг посмотрел на нее со всей серьезностью, и Маша, склонив голову к плечу и подняв глаза на хрустальную люстру, решила сменить тему:

– Кстати, что ты думаешь о творчестве Энгра?

Петя нахмурился:

– Кого?

– Да ладно, Осипов, это художник, классик.

– Тот, что рисовал в основном дам, обнаженных и не очень?

– Вообще-то, любимец утонченной парижской публики, – с притворной строгостью заявила Маша. – Отличный портретист и

знаменитый рисовальщик! Эти самые дамы к нему в очередь выстраивались!

– Так а я о чем? – развел руками Петя. – Одно другого не исключает. Только для меня, Каравай, все эти ребята – ну, я имею в виду живопись классическую – вариант, чуть хуже «Кодака».

– В смысле? – нахмурилась Маша.

– В том смысле, – интимно взял ее под локоть и повел в сторону зала Петя, – что даже у самых приличных дам в XIX веке не было приличного фотоаппарата. Поэтому, вместо того чтобы зайти попростому в ванную, встать, понимаешь, перед зеркалом и сделать штук десять селфи на последнюю модель айфона, они выстраивались в очередь к таким, как Энгр. Та же фигня – с пейзажами. И разница между твоими художниками такая же, как между мыльницей и хорошей камерой с качественным объективом.

Будто в подтверждение его слов зазвонил третий звонок.

– У тебя, – наставительно сказала Маша, усаживаясь в кресло в шестом ряду партера, – очень ограниченный взгляд на искусство.

– Ограниченный – не значит неверный, – парировал Петя. – И заметь: чем больше совершенствуется фотография, тем хуже рисуют наши современники. Отражение реальности теперь не востребовано: достаточно просто нажать на кнопку мобильного.

– А что востребовано? – невольно заинтересовалась Маша.

– Эмоция, – пожал плечами Петя. – Элементарная эмоция. А ее может вызвать и просто цветное пятно. Или музыка – поэтому мы сюда и пришли!

– Это не просто музыка, – сказала Маша, присоединившись к аплодисментам, поскольку оркестр уже вышел на сцену. – Это Бетховен. И вот скажи мне, почему тогда, несмотря на востребованность эмоции, Бетховен в наши дни мало кому нужен?

– А это оттого, – ответил Петя, – что большинство умудряется получать свои эмоции от песен «Виагры». Кому сейчас нужен Бетховен?

– Мне. – Маша бросила на него чуть рассерженный взгляд и повернулась к сцене.

– Я помню, – сказал Петя просто.

Он

На этот раз все прошло совсем гладко. Он приноровился, и удовольствие от конвульсий и тяжести тела не то что стало привычным: нет, адреналин был тот же, но он заранее предвкушал конечный миг, когда жертва слабела в его руках, становилась окончательно мягкой и податливой.

Шелковый шнурок, который он использовал для этой цели, был идеален. Он говорил, что должен переодеть ее в новый костюм для позирования, сажал бедняжку перед зеркалом, накидывал шнурок на шею – будто часть экзотического перформанса... А дальше – резко смыкал руки, поднимая их чуть вверх. Зеркало являлось частью ритуала. Большое, под два метра в высоту, в псевдобарочных завитках на раме, оно стояло, чуть откинувшись на крепкой ножке. Всем этим девочкам нравилось в него глядеться – в его отражении была завораживающая глубина, преображающая их примитивное существо. Поэтому он и не отказывал им в таком удовольствии перед самым концом. И вместе с ними ловил последние мгновения никчемной жизни, приоткрывавшие завесу над их истинным началом: выпученные глаза, звериный оскал и хрипы. Они хватались за его руки, пытались отвести их от себя, сучили ногами, грозясь опрокинуть зеркало.

Но он все обычно предусматривал: на руки надевал перчатки для мытья посуды из грубого латекса, а зеркало ставил в точности на полметра за пределами досягаемости бьющихся в агонии ног.

Сразу после действия ему становилось нехорошо. Он скидывал бездыханную барышню с колен и шел чуть-чуть подышать свежим воздухом. Бывало и так, что, прогуливаясь, он раскланивался со своими коллегами, поддерживая с ними светскую беседу про погоду: хорошую или плохую – по обстоятельствам. Иногда они обсуждали насущные дела, и он полностью абстрагировался от мертвого тела, лежащего совсем рядом. Две его жизни шли параллельными

прямыми, как и положено по математическим аксиомам – не пересекаясь.

Несколькими часами позже он возвращался обратно – но не сразу к телу, нет. Он доставал большую картонную папку, развязывал тряпичную тесьму. Вдумчиво просматривал уже знакомые наизусть рисунки и выбирал – с каким из них готов расстаться на этот раз. Все они были хороши, каждого было жаль. Но он заставлял себя сделать выбор. Это была его личная жертва – прощальный подарок той, что лежала лицом в пол перед старым зеркалом.

Дальше – проще. Уже подготовленный кусок строительного полиэтилена: обернуть и заклеить скотчем. Потом, для маскировки, он закатывал тело в ковер. И все – можно уже выносить жертву по месту жительства: в отдельной тумбочке в подвале у него хранились аккуратно развешенные на гвоздиках ключи от всех девочкиных квартир, с собственноручно им приклеенной биркой с адресом.

Прежде чем вытащить труп, он всегда делал «круг предусмотрительности» – как сам это называл. И только уверившись, что никого нет поблизости, вытаскивал тяжелехонький сверток. Сегодня, однако, вышла накладка: на скамейке недалеко от выхода сидела парочка и врасос целовалась. Он поглядел на часы: десять вечера. Можно, конечно, парочку шугануть, но это будет лишний и совершенно не оправданный риск.

«В подвале сейчас холоднее, чем на улице, – размышлял он. – За пару дней с телом ничего не случится». Он просто вывезет его позже и без приключений.

Маша

Мацуев вышел на сцену, коротко поклонился и, отмахнув привычным жестом концертирующего музыканта фалды классического фрака, сел за рояль.

Будто принесенные порывом ветра, грянули первые аккорды «Аппассионаты». И Маша почти физически почувствовала проходящую по клавишам дрожь. Замерев, она слушала Бетховена, но постепенно, параллельно музыке, в голове зазвучали мысли, и они двигались по кругу в связи с недавним диалогом...

Кому нужен сейчас Бетховен? А кому в современной Москве может быть нужен Энгр? Да в такой степени, чтобы убивать и оформлять место преступления его же рисунками более чем вековой давности? И еще что-то зацепило ее в словах Пети про фотографию, заменившую классическую живопись. Она пыталась отвлечься, вслушиваясь в волшебные бетховенские аккорды. Но перед глазами вставали «Турецкие бани», лица убитых девушек, вновь лица наложниц с картины... Маша вдруг широко распахнула глаза. Посмотрела прямо перед собой, уже не слыша музыки. Ей надо это проверить! Сейчас же!

Вскочив в паузе, когда благодарная публика только заносила ладони для бурных аплодисментов, она прошептала путанные извинения ошеломленному Пете и стала пробираться к выходу.

Он

Он не сразу рассказал матери – отец уже стал подуспокаиваться. В тот злосчастный вечер, заметив сына в ванной, он за ухо вывел его в коридор и дальше – в детскую. Толкнул внутрь и закрыл дверь на защелку снаружи. Мальчик забился в угол между столом и шкафом, сел на пол и ждал, пока за дверью не послышались голоса: смущенный девичий и снисходительный папин. Хлопнула входная дверь. Но отец так к нему и не зашел. Он сидел в темноте и ждал маму. Но даже когда та пришла, не смог объяснить ничего внятно по поводу своего бледного вида и дрожащих губ.

– Отстань от него, – сказал за столом отец, сменивший один мокрый шелковый халат на другой – сухой, но тоже шелковый. – Устал в школе. С учительницей повздорил, с мальчишками подрался, мало ли? – И он, продолжая смотреть в газету «Правда», перевернул большую шуршащую страницу.

Мать положила сыну руку на лоб, проверить – нет ли жара. И, убедившись в нормальной температуре, мельком улыбнулась и стала убирать со стола.

И вот уже весной, когда мать и думать забыла о той странной бледности и вновь убирала со стола – теперь уже за завтраком, сын внезапно поднял глаза от тарелки с манкой, украшенной дефицитным клубничным вареньем, и произнес:

– А у папы в ванной была чужая тетка. И еще одна – в машине в гараже. Они целовались.

Отец замер, поднося ко рту бело-синюю чашку с золотым ободком и – перевел взгляд на сына. А мать, так и не выпустив из рук грязных тарелок, опустилась на стул. И уставилась на свои покрасневшие ладони без маникюра.

И сын вдруг понял, что она не хочет смотреть на отца, будто и так знает ответ. А тот отпил чаю и медленно поставил чашку на блюдец. Прошла добрая минута, или даже две, тикая рядом, на звонких

«военных» круглых часах, подаренных академику благодарными моряками. Мальчик чувствовал, что сердце его сейчас взорвется от напряжения.

И тут наконец их глаза встретились.

«Я знаю, что это правда», – читалось в материнских.

«Делай, как знаешь!» – говорили отцовские.

Позже мальчику стало ясно, что если бы мать застала тогда отца в ванной, она просто прикрыла бы дверь. Как годами прикрывала ее в мыслях, не желая признаваться в собственной женской ненужности. Но сын сидел между ними, смотрел на нее и ждал ее решения. И мать кивнула. И пусть ни слова не было сказано, отец понял: кивок обозначает вовсе не согласие на прикрытые глаза и закупоренные уши. Кивок означает – надо разводиться. Дверь в ее голове, распахнутая мальчиком, отказывалась закрываться, и из нее мучительно сквозило. Мать поежилась и погладила сына по волосам.

– Все у нас будет хорошо, – тихо сказала ему она и вновь встала, чтобы положить-таки посуду в раковину.

«Ничего уже у нас хорошо не будет», – понял он и впервые – но далеко не в последний раз – пожалел о произнесенных словах. Но себе он не мог признаться: дело тут было не в том, что он все-таки больше любил мать и хотел ее защитить. И не в мальчишеском гордом и бессмысленном правдоискательстве.

Дело – в элементарном животном страхе. Он знал, что отец никогда не откажется от молодых женских тел.

А он очень боялся снова увидеть то, что видел в тот вечер в отцовской ванной.

Андрей

Андрей плохо спал ночь. Весь вечер он думал о том, чтобы позвонить Маше, и отдергивал руку от телефона каждый раз, когда желание узнать, где она и главное – с кем! – становилось нестерпимым.

– Надо держаться! – говорил он Раневской. – Где мое мужское достоинство?

Раневская – приبلудный пес с душой великой актрисы и выразительнейшей мордой, уже давно был его ближайшим конфидендом.

– И потом, – размышлял вслух Андрей, – там концерт, черт знает, когда он заканчивается, этот Бетховен? В десять? Одиннадцать? И после концерта у старых университетских друзей будет – что? Ужин при свечах и обсуждение прелестей исполнения того же Бетховена? А я своим грубым телефонным звонком перебью великосветскую беседу и все испорчу, потому что поддержать ее, даже кратко, не могу. И опозорюсь. Буду выглядеть бледно перед Петей.

С горя Андрей даже зашел на страницу Википедии, посвященную Бетховену, и прочел Раневской избранные отрывки из жизни великого композитора.

– Умер в забвении, – наставительно сказал он псу, склонившему лобастую голову набок. – В забвении, – повторил он и покосился на телефон. Тот все так же молчал. Похоже, у них с великим композитором есть что-то общее. Итак, что важнее: мужская гордость или спокойный сон? Андрей с Раневской решили, что, конечно, мужская гордость. В два часа ночи, ворочаясь на смятых в бессоннице простынях, Андрей был готов изменить свое решение, но было стыдно перед Раневской.

В семь утра, так и не дождавшись звонка, невыспавшийся, злой и решивший остаться небритым в пику Пете из Вестминстера, он

поехал на Петровку, уверенный в том, что никогда еще так не ревновал.

Мертвая пробка, растянувшаяся по всей Ленинградке, дала ему возможность поразмыслить со всей логикой, на какую он был способен после бессонной ночи, чтобы в сотый раз объяснить себе на пальцах: Маша ему ничего не должна. Она ему в любви не клялась, он ей тоже. Маша ему – не жена, и даже, как он понял, вообще застряла из-за той страшной осенней истории^[4] на смежной туманной территории между любовницей, подчиненной и, прости господи, герл-френд. «Какое все-таки отвратительное слово «герл-френд», тьфу!» – подумалось ему, когда в сотый уже раз логичное объяснение не сработало.

Хотелось найти Петю, вытащить его из шикарной машины и отдубасить от души – за все. За эту ночь, за розочки, за Людвигу вана, который Бетховен, и за хороший вкус, обусловивший выбор Маши. Он хочет увезти ее с собой в Лондон, внезапно понял Андрей. Пете, как бы по-революционному это ни звучало, нужна соратница в вестминстерской ссылке. Она со вкусом оформит его дорогую квартиру, сможет прекрасно поддержать беседу и помочь в бизнесе...

Поднимаясь в лифте на свой этаж, Андрей просто-таки воочию видел Машу, накрывающую чай на файв-о-клок: прямая спина, костюм с юбкой, с запасом закрывающей колени, невысокие каблукы, бесцветный маникюр... Он так завелся, что даже не сразу заметил, что с его появлением в кабинете установилось странное молчание.

– Что? – огрызнулся он на многозначительные лица присутствующих вместо «здрассте».

– Тебе звонили, – сказал наконец Хмельченко.

– Сверху? – Андрей раздраженно взглянул на переглядывающихся коллег.

– Ну, – протянул Хмельченко, – можно и так сказать.

– Так из Парижу, по делу – срочно! – съерничал Серый, но Андрей догадался по обеспокоенным лицам, что дело действительно срочное, и действительно – из Парижа. И, судя по времени – тут Андрей взглянул на часы и понял, что в Европах сейчас и десяти нет – явно важное.

* * *

И не ошибся: в префектуре по адресу: набережная Орфевр, 36, с семи утра сидел крупный мужчина с мягким, безвольным лицом, одетый как типичный представитель левой французской интеллектуальной прослойки: вельветовые болотного цвета брюки в крупный рубчик, чуть потертые ботинки, серо-зеленый шерстяной пуловер под пиджаком в клетку, тяжелые очки. Перрен, приходивший на работу засветло, сначала решил, что перед ним – профессура Сорбонны, но очки – очки были не модного, круглого, а совсем уж винтажного вида.

«Похоже, провинция», – подумал комиссар, отпирая дверь кабинета. Мужчина был явно очень расстроен: нервно теребил серьезных размеров потертый же портфель и, когда Перрен сделал приглашающий жест рукой – мол, проходите! – судорожно дернул кадыком и уронил с глухим стуком портфель на пол. «Точно не парижанин», – покачал головой Перрен, проходя внутрь кабинета и снимая на ходу плащ. Он был уверен – истинные парижане (такие, как сам Перрен – переехавший в столицу в студенчестве из Нанси) не выдают так легко своих эмоций.

Комиссар сел за свой необъятный стол и ободряюще кивнул провинциалу. Спросил:

– Хотите кофе? – надеясь на отрицательный ответ: кроме него, варить сейчас кофе в отделе некому, а он предоставлял общение с капризной кофеваркой Софи. Но посетитель нервно кивнул, и Перрен с мрачным видом встал из-за стола и, проклиная свое

гостеприимство, заварил в общей комнате кофе. Две чашки, раз уж так вышло.

– Сахара я не нашел, – сказал он, снова входя в кабинет и ставя кофе перед посетителем в твидовом пиджаке. – Ложечек тоже.

– Ничего, и такой подойдет, спасибо, – впервые несмело улыбнулся тот. – Я приехал вчера последним поездом и всю ночь глаз не сомкнул! Случилось неслыханное. – Провинциал издал носом странный звук, и Перрен испугался, не всхлипнул ли тот. Мужские слезы – страшная штука, комиссар был совершенно не готов к ним в столь раннее время.

– Неслыханное? – переспросил он, рисуя в воображении гору разнополых трупов. – Но почему вы не обратились в полицию по месту жительства?

– О, – смущенно опустил чашку посетитель, – но ведь именно из вашего ведомства пришел запрос... – И, не увидев на лице комиссара понимания, быстро продолжил: – Я из Монтобана, месье.

Англичане называют это состояние звонком колокольчика. Именно такой колокольчик прозвенел в голове Перрена, еще находившейся в утреннем тумане. Что-то, связанное с Москвой, тамошним комиссаром с жутким акцентом в английском.

– Рисунки Энгра! – возопил посетитель, не в силах больше ждать от Перрена проблесков памяти. – Мы проверили наши архивы. Те рисунки, скан которых вы послали нам по мейлу. Они должны быть подлинными! Но они – фальшивые!

– Стоп! – Комиссар одним глотком допил горький кофе и поморщился. Именно это и говорила ему московская девица. Только с точностью до наоборот: должны были быть фальшивыми, а оказались – подлинными. Эскизы, найденные в тысяче километров от Монтобана. – Начнем сначала. Кто вы?

– Я? – Посетитель страдальчески улыбнулся. – Я – месье Мазюрель, директор музея Энгра. Это моя ответственность, и такой позор! Родина великого соотечественника потеряла самое дорогое! Меня уволят, но дело даже не в этом...

– Стоп, – повторил комиссар. – Давайте по порядку. Вы проверили рисунки. И они оказались фальшивыми? Все три?

Подбородок Мазюреля затрясся:

– Нет, комиссар! Они оказались фальшивыми – все! Все этюды, наброски в карандаше, сепии, угле к «Турецким баням», хранящиеся в архивах, – голос его поднялся на несколько октав. – Все они – фальшивки! Как, как такое могло произойти?!

Он вынул из кармана пакет бумажных носовых платков, вытащил – не с первого раза – один и шумно высморкался. Перрен пожевал задумчиво верхнюю губу, потянулся привычным жестом за сигаретами и привычно же оборвал себя: курить теперь разрешалось только на улице, чтоб их!

– Послушайте, месье...

– Мазюрель, комиссар.

– Да. Ничего не могу вам обещать, но думаю, я знаю, где находятся те три рисунка, что я послал вам по почте.

Мазюрель поднял на него глаза, полные детской надежды:

– О боже, месье комиссар, где они?!

И Перрен не мог отказать себе в маленьком удовольствии:

– В Москве, господин директор. В Мос-кве.

Маша

Она стояла перед обшарпанной дверью с домофоном и, прежде чем набрать номер квартиры, еще раз сверила адрес.

Вчера она прибежала домой и, не снимая обуви, бросилась в комнату. Вынула дрожащими от возбуждения пальцами отпечатанную на Петровке копию формата А3 «Турецких бань». Прикрепила скотчем прямо к стене – напротив оставшегося еще с детских лет высокого торшера на тонкой ножке.

Рядом поместила фотографии жертв: одна – более-менее крупный план. Другая – мелкая, с места преступления.

– Фотографии, – крутилось у нее в голове. Портретиста Энгра использовали в свое время как модного дорогого фотографа. А у нее были фотографии погибших девушек и копия всемирно известной картины, набившая оскомину любому студенту искусствоведческого факультета. Однако студенты, особенно мужского пола, сосредотачивались взглядом скорее на чувственных телах, чем на лицах. Никто не воспринимал лица наложниц как портрет.

Маша включила торшер, посмотрела на репродукцию – потом на фото. Лица, почти вписывающиеся в идеальный овал. Аккуратный нос, невысокий лоб, густые брови, широко поставленные глаза, такие раньше звали «волоокими»... Сомнений больше не осталось: девушки из Бирюлева и Митина и одалиски на картине Энгра казались родственницами, почти – сестрами.

Маша до рези в глазах всматривалась в третью фотографию, но лицо было слишком мелким и не могло ни подтвердить, ни опровергнуть ее версию.

В раздражении Маша бросилась в постель. Ей ужасно хотелось позвонить Андрею, но она понимала: не рассказать о своей догадке у нее не хватит выдержки, а если она расскажет, но не подтвердит ее фактами, то... Андрей, конечно, не подымет ее на смех – побоится, что она снова впадет в депрессию, но и не воспримет

всерьез. А ей очень важно, чтобы он понял – случившееся этим летом – не случайность. И не везение новичка. Она, Маша, профессионал.

* * *

И сейчас она стояла перед подъездом, в котором жила мать второй жертвы, и жала на кнопки домофона. Дверь зажуужала: ее пустили без слов – Маша предупредила о своем визите.

Мать погибшей Тани Переверзиной, тоже Татьяна, женщина с испорченными перекисью водорода жидкими волосами, положила на стол, покрытый веселой клеенкой, стопку красиво оформленных альбомов. Есть люди, трепетно относящиеся к собственным изображениям и даже в наш век цифровых фотографий продолжающие с любовью составлять альбомы. У Маши не хватило духу при виде горестно опущенных уголков губ и припухших красных век остановить Татьяну-старшую, когда та начала демонстрацию с первого альбома: дочка в младенчестве.

– Вот, это Танечка, ей тут пара недель, мы только из роддома вернулись. Муж как раз фотоаппарат хороший купил, чтобы дочку снимать. У нас, знаете, в семье всех девочек по традиции Танечками называли, ну, муж был не против – говорил, чего уж, и к имени привык, и проще звать будет, и... Вторую жену у него тоже Таней зовут, представляете? Очень хорошая женщина, – вдруг всхлипнула она. – Господи, что ей дома-то не сиделось? Я ж ее и обстирывала, и гладила, и кормила – только учись, работай! Нет, подавай ей независимость! Отцу хотела показать, что взрослая! Ну, вот и показала... – Женщина отвернулась к окну, Маша виновато опустила глаза в альбом, где смеялась, каталась на детском велосипеде с боковыми колесиками, дула на пирог девочка, которую десятью годами позже обнаружат в дешевой снятой квартире с бесценным рисунком Энгра на груди.

– Простите, – сказала она тихо, – а у вас есть недавние Танины фото?

– Конечно, – выдохнула, пытаясь держать себя в руках, Татьяна-мать. – Вот.

И она раскрыла перед Машей уже совсем современный альбом с приторными котятами на обложке:

– Тут Танечка на пикнике у нас на даче. – Пальцы с остатками лака поглаживали глянцевую поверхность. – А тут – со своим молодым человеком на выпускном в колледже. Отличный был парень, зачем она его бросила? – Женщина всхлипнула, перевернула страницу, и из альбома вдруг выпала фотография. Маша быстро наклонилась, чтобы подобрать ее под столом, и – замерла.

Таня стояла в профиль в кругу переполненных радостным возбуждением подруг. Рядом на столе возвышался огромный торт с надписью «... кондитеры – пусть ваша жизнь будет...» Маша не сомневалась, что жизнь кондитеров должна быть сладкой. Профессия Тани тоже объясняла, почему на снимках, изображающих ее и подружек по колледжу, нет ни одной худышки.

– Это ведь Таня? – показала она на профиль.

Татьяна-мать взяла у нее из рук фотографию, вгляделась:

– Ой, а эту-то я не вклеила – тут лица почти не видно, неудачная получилась.

Она хотела вложить фото обратно в альбом, но Маша выхватила карточку:

– Вы позволите, я возьму ее с собой? Я вам потом верну.

– Конечно, можете любую взять... – Мать любовно перевернула еще одну страницу. – Вот, пожалуйста, тут она крупно...

– Если вы не против, – тихо сказала Маша, – я бы хотела взять именно эту.

Татьяна пожала плечами, отвернулась к окну.

– Да берите, – глухо сказала она. – Берите-берите.

– Спасибо. – Маша положила фото в сумку и, подняв глаза, увидела, что Татьяна беззвучно плачет, с силой прижав платок к

губам.

– Вы знаете, – неожиданно для себя произнесла Маша, вставая и неловко положив руку на дрожащие плечи. – Мы его найдем. Я вам обещаю. Потерпите немного.

Татьяна обернулась, и в глазах ее была такая тоска, что Маша вспомнила себя, недавнюю.

– Да что мне с того? – сказала мать безнадежно. – Это вам, молодым, подавай справедливость. А мне... Мне моя Таня назад нужна. Сможете вы ее вернуть?

Маша опустила глаза. И промолчала – сказать было нечего.

– То-то, – горестно вздохнула Татьяна и решительно поднялась. – Ну, коли у вас ко мне больше вопросов нет, я вас провожу. И делами займусь. А то вам пора, наверное, вашего убийцу искать.

И она повела Машу по узкому коридору к крошечной прихожей. Маша скомканно попрощалась и, не желая, чтобы Татьяна ждала вместе с ней лифта, чтобы проводить незваную гостью и закрыть, наконец, за ней дверь, стала спускаться по лестнице.

Она держалась до последней из лестничных площадок, но там – не выдержала, села на подоконник, вынула альбом Энгра, что носила теперь постоянно с собой, и фотографию Тани-дочери. Линия профиля: мягкий переход от лба к чуть вогнутому носу, полуприкрытый глаз, плотно сжатые губы, маленький подбородок. Даже волосы – длинные, русые, чуть выющиеся – все совпадало с девушкой, скрестившей руки на груди на картине.

«И вот еще, – подумала Маша, – Таня была совсем не хороша собой. Нос чуть уточкой и глаза навывкате – нет, никто, глядя на нее анфас, не догадался бы соотнести рисунок Энгра и девушку, снимающую убогую квартирку в новостройке. Но ее профиль оказался неожиданно действительно красив. И неизвестный убийца это смог разглядеть. Только вот где? В общественном транспорте – сидя рядом с ней в метро? Или стоя в очереди в супермаркете?»

Где ж они могли пересечься: знаток классической живописи и выпускница технического колледжа, профессиональный кондитер?»

Андрей

Андрей почти перевел то, что ему написал и послал факсом на официальном бланке французской полиции коллега по имени Перрен. И так, рисунки украдены из музея в Монтобане. Вскоре французское правительство потребует возврата ценностей. Так из дела о банальных «потеряшках» в рабочих кварталах вылупился международный скандал. Надо было идти докладывать Анютину положение дел. Но начальник, открячавшись, поинтересуется результатами расследования, и что Андрей ему скажет? Что сможет поведать, чтобы отмазать того от выволочки на самых верхах? Как молодцам с Петровки, 38, не опозориться перед бравыми парнями с набережной Орфевр, 36?

Он даже почти не думал про Машу, когда она вдруг с сияющими глазами появилась в дверях. Андрей резко позабыл про Париж и вспомнил про Лондон. Судя по довольному Машиному виду, свидание прошло на «ура!». Интересно, Петя уже озвучил свое предложение про переезд в Вестминстер?

– Андрей! Я должна тебе кое-что рассказать! – возбужденно прошептала Маша, и он на секунду прикрыл глаза. Не сейчас. Он не готов это слышать. Лучше уж головомойка от начальства.

– Прости, – сказал он холодно, – мне нужно к Анютину.

И быстро вышел из-за стола, стараясь не дотрагиваться до нее. Но не выдержал и у двери – обернулся. Маша смотрела ему вслед обескураженно и – обиженно. Андрей постарался улыбнуться: мол, все хорошо, ты делаешь отличный выбор, а меня ждут дела, и выскочил в коридор.

* * *

– Черт знает, во что мы вляпались! Была банальная «бытовуха» – и вот, на тебе! – Анютин в возбуждении ходил взад и вперед по кабинету. Андрей сидел за столом и только поворачивал голову туда-сюда за начальством. – Международный масштаб, грозятся подключить Интерпол, тьфу! Теперь надо найти вора, найти эскизы этого Энгра и вернуть во Францию, найти убийцу... Все? Ничего не пропустил? Ну, что ты молчишь? Какие версии?

Андрей вздохнул:

– Может, он вообще француз?

– Кто?

– Преступник. Согласитесь, стащить рисунки во Франции, к тому же в провинции, где все на виду, иностранцу сложно. Да еще потом через границу перевозить...

– Ну, как-то через границу они все-таки переехали... – задумчиво возразил Анютин, садясь обратно в кресло.

– А если попросить французов разобраться с их стороны? Скорее всего тот, кто рисуночки из Монтобана тиснул, и с убийцей как-то связан.

– Не обязательно, – помрачнел Анютин. – Там, по-видимому, цепочка перекупщиков. Не перекладывай дело на французов: рисунки, может, и их, но трупы-то, трупы-то – наши.

– М-да. Кому везет, тому и отдуваться, – закончил Андрей свое крайне содержательное выступление перед начальством на «бис».

Надо звонить французам. И просить об этом Машу. И поторопиться – пока она не укатила на Туманный Альбион.

Он

Мать отвела его к психотерапевту лет в одиннадцать.

– Он стал опасен, – сказал однажды отец барственным профессорским басом маме по телефону. И она поверила.

Отец совсем перестал его брать к себе, и он почувствовал себя откровенно несчастным: почти не разговаривал и мог проводить целые дни, калякая на чертежных листах, которые мать приносила с работы. На другой стороне лист был чист и годился для рисования. Мать вздыхала, глядя, как за один вечер квадрат тонкой бумаги, покрывающий полностью их стол на маленькой кухне, заполняется рисунками, часто никак не связанными между собой.

И ежели бы кто-нибудь, кроме тетки, которая и в сорок лет была уже подслеповата, жалел бы мальчика по-настоящему и интересовался им, он бы заметил, что рисунки эти будто дневник. Дневник его мыслей за день.

Вот он вспомнил свой сон. Там опять было море, и мальчик изобразил пустой берег и дуб, похожий на тот, про который он учил в стихотворении А.С. Пушкина. Потом он размышлял о профессии аквалангиста, что притягивала его и пугала одновременно – плавать он не умел. И на листе появлялся водолаз с огромным шлемом, больше похожий на космонавта. Может, ему все-таки стать космонавтом? И он рисовал звезды и планеты, как их рисовал бесстрашный летчик Экзюпери: мама перед сном читала ему «Маленького принца». Он запомнил из всей книжки одну фразу – про ответственность за тех, кого приручили. Мама невольно выделяла ее голосом, думая явно о папе.

Папа «организовал» им эту квартиру на окраине через свои связи в горкоме, чтобы не менять старую, четырехкомнатную, в Трехпрудном переулке. Он ненавидел переезды и перемену мест. Выбыв бывшей жене квартиру, алиментами он себя регулярно не утруждал. Бумажки с профилями Ильича мать получала от случая к

случаю, не как должное, но как подарок. Потому и благодарна была – как нежданному подношению.

Но в тот день, когда она, отпросившись с работы, все-таки дошла с сыном до психотерапевта, бумажек от отца давно уже не приходило. Мальчик шел, опустив голову, уткнувшись взглядом в материны серые, перекрученные на щиколотках, хлопчатобумажные колготки и стоптанные черные лаковые сандалии. Чуть ниже колен болталась авоська с гладкой восковой пирамидкой кефира и обернутой в серую бумагу вареной колбасой, граммов триста, на которой продавщица карандашом написала вес.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

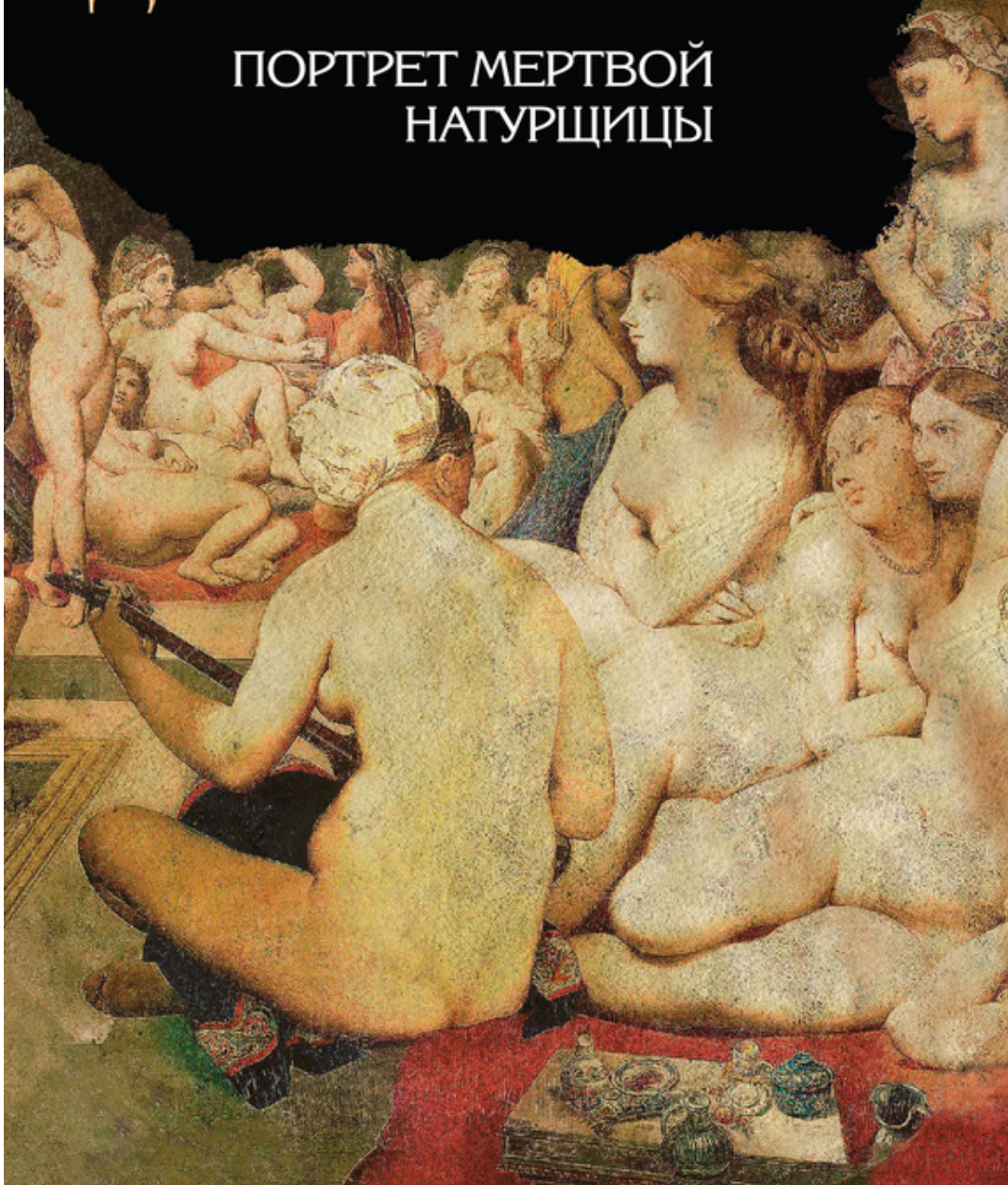
Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

ДАРЬЯ ДЕЗОМБРЕ

ПОРТРЕТ МЕРТВОЙ
НАТУРЩИЦЫ

Примечания

1

Читайте об этом в романе Дезомбре Д. «Призрак Небесного Иерусалима», издательство «Эксмо».

[Вернуться](#)

2

Лапу-лапу – одна из разновидностей рыбы. (*Прим. автора.*)

[Вернуться](#)

3

Комиссар, это мадемуазель Каравай из криминальной полиции Москвы. Мы нашли три рисунка Доминика Энгра на месте преступления. Думаю, вам стоит на них взглянуть (*франц.*).

[Вернуться](#)

4

Читайте об этом в романе Дезомбре Д. «Призрак Небесного Иерусалима», издательство «Эксмо».

[Вернуться](#)